

Петр Люкимсон

**Ариэль Шарон. Война
и жизнь израильского
премьер-министра**

Петр Люкимсон

**Ариэль Шарон. Война и жизнь
израильского премьер-министра**

«Автор»

2008

Люкимсон П. Е.

Ариэль Шарон. Война и жизнь израильского премьер-министра /
П. Е. Люкимсон — «Автор», 2008

Петр Люкимсон - известный израильский журналист и писатель, автор многочисленных сенсационных журналистских расследований, в том числе в области политики. Он не раз подвергал А.Шарона резкой критике, что не помешало ему сохранить объективность и беспристрастность в отношении одного из самых крупных и противоречивых политиков в истории Ближнего Востока XX века. Через наполненную страстями и неожиданными поворотами жизнь Ариэля Шарона раскрывается драматическая судьба Израиля и всего Ближневосточного региона. Вместе с героем книги вы пройдете путь от солдата до генерала; от рядового депутата парламента до премьер-министра страны; не раз взглянете в лицо смертельной опасности, вкусите сладость славы и горечь опалы и заглянете в потаенные кулуары израильской политики.

© Люкимсон П. Е., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Часть первая. Солдат	6
Глава 1. Родом из России	6
Глава 2. Гадкий утенок	11
Глава 3. На войне как на войне	20
Глава 4. 101-ый легендарный	28
Глава 5. В бой идут одни "старики"	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Петр Люкимсон
Ариэль Шарон. Война и жизнь
израильского премьер-министра

Автор проекта: Виталий Кабаков

Консультанты: Давид Шехтер, Алла Никитина

Часть первая. Солдат

Глава 1. Родом из России

Погожим апрельским днем 2004 года премьер-министр Ариэль Шарон в своем рабочем кабинете обсуждал с министром просвещения Лимор Ливнат подготовленную ее министерством реформу израильской системы образования. Основные принципы реформы уже были опубликованы во всех газетах, немедленно вызвав бурную дискуссию в обществе. Страна раскололась на два приблизительно равных лагеря: если одни горячо поддерживали предлагаемые минпросом нововведения, то другие были убеждены, что эта реформа лишь ухудшит и без того весьма проблематичное положение дел в израильской школе. Но окончательное решение о судьбе школьной реформы должно было принять правительство, и накануне заседания по этому вопросу Ариэль Шарон и захотел встретиться с Лимор Ливнат, чтобы еще раз, самым внимательным образом ознакомиться с ее планом.

Разговор между премьером и главой министерства просвещения был в самом разгаре, когда в кабинете появился секретарь правительства Израэль Маймон.

– Президент Путин уже на линии, – сообщил Маймон. – Вы можете с ним говорить...

– Я уже выхожу, господин премьер! – сказала Лимор Ливнат, поспешно собирая разложенные на столе таблицы и диаграммы – она прекрасно понимала, что есть разговоры, которые не положено слышать даже министрам ее уровня.

– Сиди, сиди! – отмахнулся Шарон, подходя к столу. – Ты все равно не поймешь ни слова – мы будем говорить по-русски!..

В том, что Ариэль Шарон прекрасно понимал русскую речь, а при необходимости, хоть и с усилием, говорил на русском языке, не было ничего удивительного. На этом языке говорили его родители и их друзья. На нем проходили часто устраивавшиеся в его родительском доме литературные вечера. Сами корни его родословного древа, как, впрочем, и всех других премьер-министров Израиля, уходят в российскую землю, и Шарон не раз не без гордости говорил о своей неразрывной связи с великой русской культурой, а при случае любил блеснуть блестящим знанием русской истории.

Правда, следует помнить, что под "Россией" в Израиле до сих пор принято понимать всю территорию бывшей Российской империи, или, по меньшей мере, Советского Союза.

Дед Ариэля Шарона по отцовской линии Мордехай Шейнерман родился и большую часть своей жизни прожил в Брест-Литовске. Будучи убежденным сионистом, сторонником возвращения евреев на их историческую родину, в землю Израиля, Мордехай Шейнерман вместе со своим близким другом Зеэвом Бегиным (отцом будущего премьер-министра Израиля Менахема Бегина) участвовал в начале 1900-х годов в создании городского отделения сионистской организации. Затем вместе они стали депутатами первых сионистских конгрессов и, наконец, вместе сломали дверь в городской синагоге, когда ее раввин отказался прочесть поминальную молитву по основателю политического сионизма Теодору Герцлю.

В 1910 году Мордехай Шейнерман решил претворить свою мечту в действительность и вместе со своей семьей отправился в Палестину. Спустя несколько месяцев после приезда ему удалось устроиться учителем в Реховоте – тогда небольшом поселке, расположенном к югу от Яффо. Однако учительского жалования катастрофически не хватало, семья Шейнерманов голодала и, спустя два года, Мордехай решил вернуться в Россию – как он сам говорил, "на время", чтобы лучше подготовиться к суровым условиям жизни на земле предков и в следующий раз вернуться в Эрец-Исраэль¹ уже навсегда.

Самым большим ударом решение об отъезде из Палестины стало для юного сына Мордехая Шейнермана – Самуила. Стоя на отплывающем к российским берегам корабле, мальчик неотрывно смотрел на исчезающие вдаль белые строения яффского порта и, когда они окончательно скрылись из глаз, дал себе клятву, что независимо от того, сдержит отец свое слово или нет, он рано или поздно снова ступит на ту единственную землю, которую он считал для себя родной.

В 1914 году разразилась Первая мировая война, фронт все ближе и ближе подходил к Брест-Литовску, и, следуя указу о выселении евреев из прифронтовой полосы, Мордехай Шейнерман покинул город и стал искать более спокойное место для жительства. В конце концов, после нескольких месяцев странствий семья Шейнерманов осела в Тифлисе. Будучи широко образованным человеком, Мордехай Шейнерман сумел привить любовь к учебе и дать хорошее образование и всем своим детям. Полученное дома образование позволило молодому Самуилу Шейнерману без труда поступить в Тифлисский университет.

То, что этот утонченный юноша "из хорошей еврейской семьи" выбрал сельскохозяйственный факультет, удивило многих его родственников, но сам Самуил Шейнерман ни на минуту не сомневался в правильности своего выбора: он был убежден, что обживающим заново свою родину евреям будут нужны хорошие агрономы, и сама жизнь впоследствии подтвердила справедливость этого его выбора.

В коридорах Тифлисского университета Самуил Шейнерман и столкнулся однажды со студенткой четвертого курса медицинского факультета, дочерью богатого купца из Могилева Верочкой (Дворой) Шнейеровой. В романах в таких случаях принято писать: "это была любовь с первого взгляда". Но что поделаешь, если это и в самом деле была любовь с первого взгляда – с того дня Шейнерман и Шнейерова стали неразлучны, о чем сразу же стали шептаться и в университете, и в кругах еврейской молодежи Тифлиса.

У молодых людей и в самом деле было много общего – оба любили классическую русскую поэзию и могли часами читать другу другу стихи Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Блока и находившегося на пике своей славы поэта-хулигана Сергея Есенина. Оба музицировали – Вера играла на рояли, а Самуил был душой созданного им студенческого струнного оркестра. Вдобавок ко всему, он увлекался живописью и писал совсем недурственные пейзажи с натуры.

Единственное, в чем они совершенно не сходились, были политические взгляды: если Самуил Шейнерман был убежденным сионистом, то Вера Шнейерова уже попала под влияние социалистов и откровенно симпатизировала большевикам и эсерам. Самуил Шейнерман отнюдь не видел в этом какого-то препятствия для их брака: он был уверен, что рано или поздно сумеет привить своей любимой "правильные" взгляды на жизнь. Ну, а Вера Шнейерова, слушая, как Самуил страстно расписывает ей будущие перспективы их жизни в Палестине, куда они уедут сразу после окончания университета, думала про себя, что со временем ее Шмулик успокоится, повзрослеет и поймет всю наивность своих юношеских идеалов.

Только одно омрачало их счастье: отец Веры был категорически против выбора дочери и даже не явился на их "хупу" – церемонию венчания – в синагоге.

В начале 1921 года, когда Красная армия вошла в Грузию, Самуил начал вновь убеждать жену как можно скорее покинуть Тифлис и уехать в Палестину. Вера, которой оставался всего год до получения диплома врача, никуда не хотела уезжать, поначалу категорически отказывалась понимать такую настойчивость мужа.

– Я не понимаю, зачем мы должны куда-то ехать, чтобы чувствовать себя дома? – говорила она. – И в конце концов почему ты так боишься коммунистов?! Если они придут к власти, то все – и евреи, и русские, и грузины – получат равные права и будут строить новое общество!

– Вот только мне в этом обществе места не будет! – с иронической усмешкой отвечал ей Самуил. – Если ты слышала, в Москве ЧК расстреляла всех сионистов...²

Конец этим бесконечным спорам между молодыми супругами был положен апрельским вечером 1921 года. Самуил Шейнерман намеревался пойти на собрание местных сионистов, проходившее обычно в одном из городских клубов. Так получилось, что в тот вечер он задержался на лекции в университете и опоздал к началу собрания. Шейнерман подошел к зданию клуба как раз в тот самый момент, когда красноармейцы выводили из дверей арестованных ими членов сионистского кружка³. Почти бегом Самуил вернулся домой, рассказал Вере о случившемся и велел собирать вещи. Сам он из всех своих личных вещей положил в чемодан только две – скрипку и булатный кинжал в резных ножнах работы кубачинских мастеров.

В ту же ночь Шейнерманы выехали на поезде в Баку, оттуда добрались до Турции, и в Стамбуле сели на пароход, который должен был их доставить к берегам Палестины.

Все время плавания Веру непрерывно тошнило, но причиной ее плохого настроения была отнюдь не морская болезнь – она лишь усугубляла его. Вера пребывала в самом мрачном расположении духа и непрестанно твердила о том, что она не понимает, зачем им стоило так поспешно покидать Россию, бросать учебу и налаженную жизнь. А Самуил, напротив, лучился оптимизмом.

– Вот увидишь, – горячо говорил он жене, – мы будем там по-настоящему счастливы – ведь мы будем жить на своей земле. Для начала я закончу учебу, затем мы обустроимся в каком-нибудь поселке, возьмем участок земли, чтобы построить дом. Потом я начну работать агрономом, помогать евреям правильно, по научному, обрабатывать землю, а ты закончишь учебу и станешь врачом. Я уверен, ты будешь самым лучшим врачом ишува!

При этом он и не подозревал, насколько несбыточны эти планы – в тогдашней Палестине еще не было ни одного университета и учиться на врача там было попросту негде.

Лишь в феврале 1922 года Самуил и Вера Шейнерман вместе с еще несколькими десятками новых репатриантов сошли на берег в яффском порту.

Вскоре Самуил, реализуя первую часть своего жизненного плана, продолжил учебу на агронома в сельскохозяйственной школе "Микве Израэль". В течение года, который потребовался ему для получения диплома, молодая семья едва сводила концы с концами, нередко и попросту голодала. Если Самуила в такие дни одолевала хандра, и он ходил по дому мрачнее тучи, то Вера, напротив, неожиданно стойчески переносила все испытания. Она не только ни разу в чем-либо не упрекнула мужа, но и, наоборот, пыталась всячески поддержать его, напоминая Самуилу его собственные слова о том, как здорово они заживут, как только он станет агрономом.

Наконец, пришел день, когда выпускникам школы "Микве Израэль" 1923 года торжественно вручили дипломы и пожелали успехов на профессиональном поприще. Агрономы действительно были нужны во многих местах тогдашней Палестины, но когда Самуилу Шейнерману предложили работу в кибуце, он наотрез отказался. Он прекрасно сознавал, какую огромную роль играют кибуцы в освоении и закреплении евреев на их исконных землях, но жизнь в сельскохозяйственной коммуне с ее одержимыми коммунистическими идеями обитателями, с общей прачечной, столовой и баней, с равным распределением доходов и прочими прелестями коммунально-коммунистического быта была совсем не для него. Денег же для того, чтобы купить участок земли и построить дом, у Шейнерманов не было. Конечно, можно было бы написать унижительное письмо с просьбой о помощи отцу Веры, но эту мысль супруги отвергли почти сразу же, как только она у них появилась.

В результате у Шейнерманов не осталось никакого иного выхода, кроме как принять предложение руководства ишува и направиться в долину Шарон – в расположенный в 30 километрах от стремительно превращавшегося в большой, современный город Тель-Авива и в 4 километрах от нового поселения Кфар-Саба (что в переводе с иврита означает "деревня дедушки") поселок Кфар-Малал.

– Всего тридцать километров от Тель-Авива – это же ерунда! – убеждал Веру, и – может быть, прежде всего – самого себя Самуил Шейнерман. – Мы с тобой, как минимум, раз в месяц будем ездить в Тель-Авив. Будем регулярно посещать театр, до спектакля прогуляемся по городу, потом посидим в кафе... А там, глядишь, в новом университете в Иерусалиме откроется медицинский факультет и ты сможешь закончить образование!

Но чем дольше тащилась телега по бездорожью вдоль выжженной солнцем пустынной земли, тем больше Вера Шейнерман понимала, что ее муж тешит себя очередными иллюзиями: тридцать километров в этих краях были дистанцией поистине гигантского размера – выехав из Тель-Авива в полдень, Шейнерманы добрались до места только к вечеру.

Кфар-Малал оказался крошечным поселком, в котором жило всего несколько десятков семей, вдобавок ко всему окруженный со всех сторон арабскими деревнями. Назван он был так по инициалам одного из провозвестников сионистского движения Моше-Лейба Лиленблюма.

Рассказ секретаря поселка о том, что его жители однажды уже пережили погром, который устроили соседи арабы и в ходе которого было убито несколько человек, оптимизма не прибавил.

Но по-настоящему у Шейнерманов испортилось настроение, когда тот же секретарь секретарь показал выделенный им участок земли. Расположенный в ложбине между двумя холмами, он представлял собой несколько десятин высохшей, усеянной камнями почвы и вдобавок ко всему был расположен в нескольких километрах от ближайшего колодца. Любой опытный крестьянин, бросив взгляд на эту землю, сказал бы, что на ней не могут расти даже сорняки. Но Самуил Шейнерман был человеком упрямым. К тому же он верил, что Эрец Израэль – древняя земля Израиля – лишь выглядит бесплодной, отказываясь что-либо рожать для тех, кто пришел на нее как завоеватель. Однако стоит только вернуться ее прежним хозяевам, и она снова превратится в ту самую землю, текущую молоком и медом, о которой говорится в Библии. И на следующее утро Вера и Самуил Шейнерманы вышли на свой участок убирать лежащие на нем мириады мелких и крупных камней. После того, как земля была очищена от камней и проведены все необходимые ирригационные работы, Шейнерман посадил на своем участке невиданные прежде в Палестине мандарины и авокадо, семена которых он выписал из-за границы. Спустя еще несколько лет на месте каменистой пустыни стараниями Шейнерманов расцвел прекрасный сад, в котором, помимо мандаринов и авокадо, росли еще и апельсины с бананами.

Свой первый дом в Кфар-Малал Шейнерманы тоже построили своими собственными руками из собранных в округе досок. Строители они были, мягко говоря, неважные, и потому на самом деле это был, скорее, не дом, а обыкновенный сарай, разделенный дощатыми перегородками на две комнаты и кухню. Зимой это строение ходило ходуном от сильного ветра, и, подставляя ведра под текущую с потолка дождевую воду, Вера одновременно следила за тем, как качаются потолочные балки – чтобы вовремя выбежать наружу, если они вдруг рухнут...

В этом доме и родилась в 1926 году старшая дочь Шейнерманов Иегудит, которую все звали просто Дита. И именно из него 26 февраля 1928 года Самуил Шейнерман отвез жену в находившийся в Кфар-Сабе роддом.

– Поздравляю, у вас мальчик! – сказала акушерка, вынося к ожидавшему на крыльце роддома отцу новорожденного.

– Очень здоровый, упитанный мальчик! – добавила она. – И слышите, как он ревет?! На всю улицу! Настоящий лев! Так и назовите его: Арье – "лев"!

– Тогда уж не просто Арье, а Ариэль – "божественный лев"! – ответил Самуил принимая у нее ребенка.

Над всем округом ха-Шарон в этот час шел метеоритный дождь.

– Говорят, это хорошая примета, – заметила акушерка. – Таким звездопадом Бог сообщает о рождении царя или пророка...

– Я атеист, в приметы не верю, – несколько резко, с заметным вызовом в голосе ответил Самуил.

...Пройдет менее полувека, и танки с выведенной на них от руки белой краской надписью "Арик- мелех Исраэль!" ("Арик – царь Израиля!") будут рваться к Суэцкому каналу.

"Арик – мелех Исраэль!" – будут скандировать сотни тысяч людей на площадях и рынках Израиля спустя еще несколько лет сторонники партии "Шломцион", а затем и "Ликуда". Но Самуил Шейнерман, жизнь которого оборвется в 1956 году, ничего этого не узнает.

Спустя два дня он привезет жену и новорожденного сына в свою хибару в Кфар-Малале, еще через семь дней отпразднует в узком кругу друзей его обрезание, и жизнь Веры и Самуила Шейнерманов снова войдет в привычную колею, заполнившись с утра до вечера заботой о саде, дразгами с соседями, постоянным ремонтом то и дело разваливающегося дома, в котором и предстояло вырасти будущему великому израильскому полководцу и политику.

Глава 2. Гадкий утенок

"Хорошо было за городом!"

Но вряд ли во всем Кфар-Малале был еще ребенок, который чувствовал бы себя в этой деревушке так же неуютно и одиноко, как маленький Арик Шейнерман. Еще не начав говорить, он знал, что его и его родителей со всех сторон окружают враги.

Врагами были прежде всего арабы из соседних деревень, то и дело нападавшие на проезжавшие по проходящей неподалеку от поселка дороге машины или на направлявшихся к своим полям и садам еврейских фермеров. Сидя на коленях у матери, Арик не раз слышал от нее рассказ о страшных событиях лета 1929 года, когда после того, как группа еврейских юношей попыталась подойти к Стене Плача и помолиться у нее, арабы начали кровавые погромы по всей стране. За неделю они убили 133 еврея. В Хевроне они отрубали евреям руки и ноги, вспарывали им животы и только затем убивали их. В Иерусалиме они пытались ворваться в Еврейский квартал...

А в пять лет на день рождения Самуил подарил сыну тот самый кубачинский кинжал, который он привез с собой из Тифлиса – чтобы мальчик с детства усвоил, что отстоять свою землю евреи могут только с помощью оружия.

Врагами, хотя, конечно, и не такими беспощадными, как арабы, были и их соседи по поселку. Отношения между Шейнерманами и соседями стали напряженными уже в первые годы их проживания в Кфар-Малале. Начало этому конфликту было положено в тот день, когда Самуил Шейнерман наотрез отказался продавать плоды своего первого урожая через кооператив "Тнува"⁴, как это делали все остальные семьи в поселке, а заявил, что повезет фрукты и овощи на частный рынок. При этом Самуил весьма недвусмысленно дал понять, что выступает против любых проявлений социализма, в том числе и против кооперативов. Он также попытался объяснить своим односельчанам, что продавать урожай на частном рынке гораздо выгоднее, чем торговать с предлагающей демпинговые цены "Тнувой", но его не захотели слушать: жителям Кфар-Малала, убежденным сторонникам строительства социализма в Эрец-Исраэль, считающим, что выживать всем евреям на этой земле нужно сообща, отныне стало ясно, что Самуил Шейнерман относится к так называемым "ревизионистам", сторонникам Зеэва Жаботинского⁵, а, значит, является законченным "капиталистом", "кулаком" и жмотом.

Окончательно они укрепились в своем мнении после того, как на поселковом совете было принято решение поделить землю с жителями начавшегося строиться неподалеку поселка. За это решение проголосовали на совете все, кроме Шейнерманов. На следующий день, в соответствии с принятым большинством решением, землемер сдвинул все ограждения вокруг земельных участков жителей Кфар-Малала, включая и участок Шейнерманов. Самуила Шейнермана, который становился все более популярным в округе агрономом, и зарабатывал немалые деньги, консультируя близлежащие кибуцы и фермерские хозяйства, в тот день как раз не было дома. Не дождавшись мужа, поздно ночью Вера Шейнерман, оставив без присмотра двух маленьких детей, бегом направилась к их семейному участку, снесла новый забор, а наутро потребовала от землемера, чтобы тот установил его на прежнее место – Шейнерманы ни с кем землей делиться не собирались.

Наконец, в 1933 году, когда в Тель-Авиве был убит один из лидеров социалистического направления в сионизме Хаим Арлозоров, в его убийстве обвинили ревизионистов, и после этого Шейнерманов в Кфар-Малале начали открыто бойкотировать как "врагов народа". Сам Самуил Шейнерман, как и остальные сторонники ревизионистов, до конца жизни не верил в версию о том, что Арлозоров стал жертвой своих политических противников. Тайна этого убийства так и не была раскрыта, но в 90-х годах XX века, на основе архивных документов,

возникла версия, согласно которой Арлозоров был, помимо прочего, любовником жены Гейбелса и его убили по прямому указанию нациста-рогоносца.

Словом, семья Шейнерманов жила в состоянии постоянной войны со своими соседями, и Арик с раннего детства оказался втянутым в эту войну. Глубоко убежденный, как и положено ребенку, в правоте своих родителей, он рано усвоил мысль о том, что правда далеко не всегда бывает на стороне большинства, что следует, подобно его родителям, сохранять хладнокровие и делать то, что он считает нужным, даже если все вокруг его ненавидят.

Вряд ли стоит удивляться и тому, что Арик редко гулял по улицам поселка, и у него почти не было друзей среди тамошних детей.

Впрочем, дело было не только в том, что он был из "тех самых Шейнерманов" – дело было и в нем самом. Толстый, неуклюжий Шейнерман-младший попросту не мог играть на равных со сверстниками ни в футбол, ни в догонялки, ни в лапту – словом, ни в одну из тех игр, где надо было быстро бегать и хорошо прыгать.

И все-таки была одна игра, где Арику не было равных – она называлась "песочные бомбы". Заключалась игра в том, что дети сворачивали из листов старых газет кулечки, наполняли их песком и бросали их друг в друга. Вот тут было выгодно оказаться в одной команде с Ариком – никто не мог метнуть песочную бомбу так далеко и точно, как он. Поэтому те, кто оказывался в противоположной команде, знали: самое главное – вывести из игры этого противного толстого Шейнермана, а дальше будет легче. Но в том-то и дело, что вывести маленького толстяка из игры было почти невозможно: Арик продолжал метать свои "бомбы", не обращая внимания на то, что в него со всех сторон летят и больно бьют по телу кульки с песком, на режущую боль от попавших в глаза песчинок...

Но в "песочные бомбы" в Кфар-Малале играли редко, и большую часть времени Шейнерман-младший проводил с родителями – весь день он, как мог, помогал отцу и матери ухаживать за деревьями или собирать урожай и вместе с ними под вечер возвращался домой.

Вернувшись с работ в саду, его родители волшебным образом преображались. Они снимали с себя пропахшую землей и потом одежду, мать обряжалась в терпеливо дожидавшееся ее в шкафу нарядное платье, отец надевал белую рубашку и черные брюки, и в стенах маленького домика начинали звучать стихи русских поэтов и мелодии великих композиторов, которые отец выводил на скрипке.

Не исключено, что именно отсюда берет свои истоки то отношение к одежде, которое резко выделяло Ариэля Шарона среди большинства израильтян. Если обычно израильтяне, включая крупных бизнесменов и политиков, не придают никакого значения тому, как они одеты, и могут появиться на банкете или официальном приеме в джинсах или шортах и сандалиях на босу ногу, то Шарон в зрелые годы своей жизни уделял большое внимание своему внешнему виду. И став премьер-министром, он потребовал, чтобы все мужчины его канцелярии являлись на работу в костюмах и – обязательно – при галстуке, а женщины носили строгие английские костюмы с юбкой чуть ниже колен и туфли-"лодочки", а никак не джинсы и сандалии. В то же время, когда он устраивал для тех же сотрудников вечеринки на своей ферме, форма одежды была совершенно свободной. Впрочем, Шарон довольно долго, следуя общепринятому в Израиле поведению, ходил, что называется, в чем бог на душу положит...

Два-три раза в месяц у Шейнерманов собирались работающие в близлежащих поселках и кибуцах агрономы, учителя, врачи, и тогда в их доме играл настоящий струнный оркестр.

– Вот расширим дом, купим фортепиано, и тогда вы услышите, как потрясающе играет моя жена! – хорохорился в такие вечера Самуил Шейнерман.

– Но это будет после того, как она закончит учиться медицине, – шепотом, так, чтобы никто не слышал, добавляла Вера.

Какое-то время Вера и Самуил Шейнерман были одержимы той же мечтой, что и многие другие родители: заметив, с каким удовольствием Арик слушает музыку, они решили сделать

из сына великого музыканта. Однако нанятый специально для Диты и Арика Шейнерманов за огромные деньги учитель с грустной улыбкой констатировал, что у их мальчика, увы, нет не только никаких способностей к музыке, но и вообще музыкального слуха. По настоянию Веры, он еще несколько месяцев продолжил давать Арику уроки игры на скрипке, но затем они прекратились сами собой.

Несколько забегаая вперед, скажем, что любовь к звучащей в родительском доме русской поэзии и классической музыке Ариэль Шарон пронес через всю жизнь. В течение многих десятилетий у них с женой был постоянный абонемент на концерты Тель-авивского филармонического оркестра и, если в день концерта Арика и Лили Шарон не было в зале, завсегдатаи филармонии мгновенно понимали, что в стране что-то стряслось.

Вскоре воспитательницы детского сада, а затем и педагоги в школе сообщили Вере Шейнерман, что у ее увальня-сына нет способностей не только к музыке – у него вообще нет никаких способностей! "Окончательный диагноз" Арику местные ушинские и песталоцци поставили, когда ему пришлось идти в школу. Особого выбора у Шейнерманов не было, и они отдали сына в окружную школу имени Йосефа Ароновича, расположенную в его родном Кфар-Малале. Семилетний Арик с трудом, не без родительской помощи, научился читать и писать, но было понятно, что особыми успехами в учебе он блистать тоже не будет. Ну, а когда в школе проводился "Праздник букваря", с Ариком вообще произошел полный конфуз.

При распределении ролей в школьном спектакле, учительница, учитывая невеликие способности маленького Шейнермана, дала ему состоявшую всего из шести слов роль Школьного Мела. Но в тот самый момент, когда пришел черед Арика выступать, он вдруг обнаружил, что заученные наизусть слова... начисто вылетели из его головы. Несколько секунд он, стоя на сцене, пытался вспомнить эти самые заветные шесть слов, а затем, поняв, что ему это не удастся, разрыдался и бросился к матери.

– Сегодня ты плакал в последний раз в жизни! – сказал ему вечером отец. – Запомни: ты уже не ребенок – ты мужчина. А мужчина не плачет! Или плачет так, чтобы этого никто не видел!

Арик запомнил – больше и в самом деле никто и никогда не видел его плачущим.

Бывшие соученики Ариэля Шарона по школе Ароновича потом вспоминали, что учился он не то, чтобы совсем плохо, а просто "средне". Обычной его оценкой в школе было 70 баллов по стобалльной шкале, то есть, если бы дело происходило в советской школе, то считался бы "троечником". Никаких любимых предметов у него не было, и учителя держали Арика Шейнермана за недотепу и посредственность.

Вернувшись домой из школы, Арик спешил в семейный сад – помогать родителям. Уже в семь лет он активно участвовал в сборе урожая, а с десяти отец стал доверять ему охрану сада от желающих нарвать дармовые фрукты – таких было немало как среди арабов, так и среди евреев.

Понимая, что он поручил ребенку совсем не безопасную роль, Самуил Шейнерман не раз тайно наблюдал за сыном со стороны, и каждый раз оставался доволен тем, что увидел. А для того, чтобы чувствовать себя увереннее, Арик брал в сад отцовский подарок – хорошо отточенный булатный кинжал...

Если бы кто-то из жителей Кфар-Малала заглянул в сад Шейнерманов в те часы, когда его сторожил Арик, он бы, наверное, очень удивился тому, что увидел. А посмотреть, нужно сказать, было на что. Превратившийся из мальчика в подростка Арик Шейнерман с поразительной ловкостью, каждый раз все быстрее и быстрее лазал по деревьям, затем с совершенно противоречащей всей его фигуре стремительностью обегал родительские владения, после чего вдруг начинал делать одно сальто-мортале за другим, а заканчивал упражнения тем, что... садился в шпагат. Так, подальше от посторонних глаз, 12-летний Шарон пытался бороться с собственным телом и выработать в себе те качества, которых, как казалось, начисто лишила

его природа. Стоило так же посмотреть и на то, с какой точностью метал Арик на несколько метров кинжал, научившись со временем с ходу, почти не целясь, поражать им любую цель...

Помимо этого в те годы Арик много читал: из каждой поездки в Тель-Авив отец привозил новые, только что переведенные на иврит книги классиков мировой литературы, и с 12 лет Ариэль Шарон жадно, вздохом зачитывался ими; в первую очередь, разумеется, романами Дюма, Купера, Майн-Рида и Буссенара, воображая себя то д'Артаньяном, то графом Монте-Кристо, то капитаном Сорви-головой – тем, кем ему, по сути дела, и предстояло стать спустя десять с небольшим лет.

* * *

В 1941 году, когда ему исполнилось 13 лет, Арик Шейнерман закончил шесть классов начальной школы им. Ароновича, и родители записали его в престижную и безумно дорогую частную тель-авивскую школу "Геула", где к тому времени уже два года училась его старшая сестра Дита.

Записав детей в среднюю школу, да еще в такую, как "Геула", Шейнерманы в очередной раз бросили вызов своим соседям по поселку, убежденным, что лучшей школой для "нового", живущего на своей земле еврея, является сама жизнь. Шесть классов образования считалось вполне достаточным для мальчика, дальше он активно включался в работу на земле, либо, в крайнем случае, направлялся в ремесленное училище для получения какой-либо профессии. Продолжали учебу обычно лишь "вундеркинды" – дети, подававшие большие надежды, а Арик Шейнерман таковым явно не числился. Ну, а уж в частные школы своих отпрысков отдавали только "буржуи".

Впрочем, Вера и Самуил Шейнерман к тому времени и не скрывали, что живут гораздо зажиточнее всех своих соседей. В качестве агронома Самуил Шейнерман зарабатывал немалые деньги, да и семейное хозяйство приносило ему хороший доход – его средний заработок в год составлял около 200 палестинских лир, то есть, как минимум, в четыре раза превышал заработка остальных жителей Кфар-Малала. О том, что Шейнерманы не жалуются на доходы, свидетельствовало и то, что они, наконец, расширили и обустроили дом, в котором были такие предметы роскоши как книги, патефон и даже радиоприемник. Стоило ли удивляться тому, что их дети учатся в частной школе?!

Но в школе "Геула", где учились, в основном, дети бизнесменов и высокопоставленных чиновников и которую в разные годы закончили Рафаэль Реканати, Тед Арисон, Ицхак Модай, Шимон Перес и многие другие будущие израильские политики и бизнесмены, Арик и Дита Шейнерман снова оказались "белыми воронами". Несмотря на все усилия родителей, они были одеты куда скромнее, чем их одноклассники, да и сам мир, из которого они пришли в эту школу, предназначенную для тель-авивской золотой молодежи, их образ жизни был чужд и непонятен их соученикам.

В те дни Арик вставал каждый день в четыре часа утра. До шести часов он работал в родительском саду, окучивая деревья, собирая плоды и складывая их в ящики на продажу, а затем спешил на автобус, довозивший его до центральной автостанции Тель-Авива. Отсюда Арик шел в школу пешком, а на сэкономленные на автобусе деньги мог побаловать себя питой с фалафелем⁶ и газированной водой с сиропом.

Учился он в "Геуле" так же, как и в начальной школе – весьма посредственно, и вдобавок ко всему, с каким-то тупым слоновьим равнодушием и застывшей на лице улыбкой сносил насмешки сверстников по поводу своей нелепой, расплывшейся фигуры. Да, он был для всех Ариком-"жиртрестом", Ариком-"медведем", просто "Жирным", но когда кто-либо из одноклассников пытался оскорблениями вывести его из себя, Арик немедленно вспоминал настав-

ления матери: "Не обращай внимания! Делай вид, что ты их просто не замечаешь, что для тебя их вообще не существует в природе! Будь выше этих тупиц!"

Между тем, время на дворе стояло тревожное; Вторая мировая война все ближе и ближе подходила к границам Палестины, и все прекрасно понимали, чем все кончится для ее 600-тысячного еврейского населения, если немцы войдут в Тель-Авив и Иерусалим. Лишь после того, как англичане отбросили армию Роммеля в глубь Африки, палестинские евреи вздохнули чуть более свободно. Однако, во-первых, угроза прорыва нацистов сохранялась, а, во-вторых, все политические лидеры ишува готовились к провозглашению будущего еврейского государства и разница между ними на том этапе состояла лишь в вопросе о том, какими методами должно быть добыто это государство. Во всех еврейских школах Палестины в те дни распространялись листовки различных политических движений и военизированных организаций, и уже в 14 лет подростки должны были сделать выбор, с какими из них они собираются связать свою дальнейшую жизнь – с находящейся под руководством социалистов военизированной организацией Хагана⁷, считавшей, что пока англичане воюют с немцами, против них должны быть прекращены любые враждебные действия, или с организациями ЭЦЕЛ⁸ и ЛЕХИ⁹, убежденными, что и англичане, и арабы в равной степени являются оккупантами еврейской земли и бороться нужно как с теми, так и с другими. Но в школе "Геула" сторонников ЭЦЕЛ и ЛЕХИ почти не было, всей "идейно-политической работой" в ней заправляли люди из "Хаганы", и юный Шейнерман просто не мог не подпасть под их влияние.

В 1942 году Арик Шейнерман вместе с еще несколькими подростками из Кфар-Малаля вступил в организацию "Хагана" и начал регулярно, дважды в неделю, посещать ее собрания и тренировки, благо проводились они обычно в роще, отстоящей всего в нескольких километрах от поселка.

Инструкторы "Хаганы", в роли которых обычно выступали находящиеся официально в подчинении английских властей служащие Еврейской полиции, обучали подростков строевому шагу, обращению с винтовкой "стэн" и ориентированию на местности. И вот здесь впервые и выяснилось, что учителя Арика Шейнермана все же ошиблись, и хоть какие-то достоинства и таланты у него все-таки есть. И, прежде всего – выдающиеся способности к ориентированию на местности. Он с легкостью читал топографические карты, оказавшись в незнакомой роще или в овраге, мгновенно опознавал ориентиры и продолжал движение по заданному маршруту. Побывав раз в том или ином месте, Арик до деталей запоминал его на всю жизнь, после чего мог без особого труда передвигаться по этой местности даже в кромешной темноте.

Оружия подросткам не давали, а для воспитания в них бойцовских качеств инструкторы постоянно проводили в своих отрядах спарринг-бои – жестокие поединки "один на один". Продолжалась такая схватка до тех пор, пока один из ее участников сам не попросит пощады. И не было от Кфар-Малаля до самого Тель-Авива лучшего бойца в таких единоборствах, чем Арик Шейнерман. Он дрался с какой-то первобытной яростью – так же, как когда играл в "песочные бомбы", проявляя в бою чудеса ловкости, с легкостью перенимая приемы соперника и тут же успешно применяя их против него самого; дрался и тогда, когда соперник был намного старше и выше его ростом, дрался, не обращая внимания на синяки и текущую из разбитых носа и губы кровь... Но тех, кому доводилось в эти минуты заглянуть в глаза Ариэля Шейнермана, поражало стоявшее в них насмешливое спокойствие – весь его внешний пыл был предназначен исключительно для соперника, он призван был вывести его из равновесия, напугать, в то время как сам Арик руководствовался в драке холодным расчетом...

Но самое главное заключалось в том, что если большинство сверстников Шейнермана все еще воспринимали свое участие в "Хагане" как своего рода увлекательную игру, то Арик относился к нему очень серьезно. Не удивительно, что Шейнермана заметили и сначала включили в отряд для особо отличившихся ребят, а затем в 1944 году послали и на курсы молодых инструкторов для подростков. Одновременно Арика включили в самый настоящий отряд бой-

цов "Хаганы", занимавшийся патрулированием еврейских поселков и защитой их от местных арабов. Ровесники Арика играли в таких отрядах подсобную роль: обычно более старшие их бойцы попросту гоняли приданных им подростков за сигаретами. Но в то же время эти подростки, в отличие от других своих сверстников, принимали участие в самых настоящих боевых учениях – вместе со взрослыми они учились метать гранаты, закладывать мины, стрелять из ружья и пистолета...

С 1944 годом связана и одна из первых загадок жизни Ариэля Шарона, или, как считали его политические недоброжелатели, первое грязное пятно в его биографии. Дело в том, что именно в этом году "Хагана" начала операцию "Сезон", в ходе которой охотилась на бойцов из оппозиционных ей организаций ЭЦЕЛ и ЛЕХИ, жестоко, подчас до смерти избивая их, а затем выдавая их в руки англичан. Операция "Сезон" стала одной из самых черных страниц современной еврейской истории, а так как Арик Шейнерман был в то время юным бойцом "Хаганы", то это не могло не породить слухи о том, что он также принимал участие в выслеживании командиров ЭЦЕЛ и ЛЕХИ, которых потом арестовывали, допрашивали, добываясь от них с помощью жесточайших пыток данных о местонахождении их товарищей, а после бросали в английскую тюрьму. Сам Арик не раз категорически отрицал, что имел хоть какое-то отношение к "Сезону", но время от времени ему снова бросали в лицо это обвинение.

Летом 1945 года он, наконец, закончил среднюю школу, получил аттестат зрелости и сразу после этого был направлен руководством "Хаганы" на курс младших командиров, который проводился в кибуце Рухама. Окруженный со всех сторон пустыней Негев, этот кибуц действительно как нельзя лучше подходил для проведения такого курса. Вот только автобусы в Рухаму ходили крайне редко, и 17-летний Шейнерман, решив не дожидаться попутки, попросту сел в арабский автобус, оказавшись в нем единственным евреем. Так Арик добрался до заброшенной в Негеве арабской деревушки, а оттуда пешком дошел по пустыне до Рухамы. Для того, чтобы проделать такой путь требовалось немалое мужество – поездка с арабами могла закончиться для еврея жестокой смертью, а в Негеве с его однообразным пейзажем и сегодня многие туристы часто сбиваются с пути, начинают блуждать по пустыне и на их поиски приходится направлять вертолеты. Всю дорогу Арик сжимал спрятанный за полу пиджака свой любимый кинжал: если бы арабы бросились на него, они бы дорого заплатили за его жизнь...

После того, как Арик, хотя и без особого блеска, закончил курсы в Рухаме, ему предложили вступить в ПАЛМАХ – подпольные штурмовые отряды "Хаганы", включавшие лучших из лучших ее бойцов и являвшиеся, по сути дела, тайной регулярной армией еврейского ишува. Однако, когда Самуил Шейнерман узнал об этом, он запретил сыну даже думать о вступлении в ПАЛМАХ¹⁰ – Самуил не мог простить "Хагане" операции "Сезон", да и вдобавок мечтал о том, чтобы его сын пошел по его стопам, выучился бы на агронома и его никак не устраивало то, что его сын станет профессиональным военным.

Однако, отказавшись от вступления в ПАЛМАХ, Арик Шейнерман втайне от родителей продолжал принимать самое активное участие в деятельности "Хаганы" – патрулировал поселения, руководил в качестве инструктора отрядом подростков из окрестных школ, организовывал на время каникул специальные военизированные лагеря, в которых вместе с другими инструкторами обучал их приемам рукопашного боя и владению оружием. Вскоре он стал для юных бойцов "Хаганы" любимым командиром, пользовавшимся у них непререкаемым авторитетом. В немалой степени этому авторитету способствовало то, что Арик на равных со всеми выполнял все предлагаемые им упражнения и задания.

Так, однажды, еще в первые дни своего командования отрядом, он велел всему своему отряду забраться на крышу гаража кооператива "Тнува", высота которого была не меньше пяти метров, прыгнуть оттуда, после чего пробежать около ста метров до ближайшей роши. Подростки крайне неохотно начали выполнять этот приказ, будучи уверенными, что их командир с его лишними килограммами, конечно же, сам никуда не прыгнет и не побежит. Каково же

было их удивление, когда Арик Шейнерман, скомандовав "Прыгай за мной!", сиганул вниз, прекрасно сгруппировался при прыжке и первым добежал до указанной цели. Разумеется, они и понятия не имели о том, какими тяжелыми физическими упражнениями изнуряет себя их командир по ночам, сколько километров он накручивает, когда все спят, бегая вокруг Кфар-Малала – и все это для того, чтобы сбросить лишний вес и быть в хорошей физической форме.

В эти дни в жизни Арика Шейнермана произошло еще одно событие из тех, которое рано или поздно происходит в жизни любого мужчины – он влюбился. Влюбился по-настоящему, по уши – так же, как когда-то его отец влюбился в Верочку Шнейерову. Вот только университетского коридора, в котором они могли бы столкнуться, под рукой не оказалось: полуголый Арик собирал апельсины в саду, когда мимо садового забора прошла, держа в руках книжку, стройная невысокая девушка. Арику и прежде доводилось влюбляться в своих одноклассниц, но чувство, которое он испытал на этот раз, было совершенно непохоже на те, которые ему доводилось переживать во время своих детских влюбленностей. Пулей слетев с дерева, он накинул на себя рубашку и, пригнувшись, используя все свои навыки скрытого передвижения по местности, стал следить за ней. Окликнуть прекрасную незнакомку и заговорить с ней Арик так и не решился. Однако, увидев, что она скрылась в воротах расположенной всего в нескольких сотнях метров от их семейного сада школе "Мосинзон", Арик дал себе слово, что обязательно с ней познакомится.

Так как в "Мосинзон" училось несколько ребят из его отряда, то уже на следующий день Арик знал, что прекрасную незнакомку зовут Маргалит Циммерман, ей 16 лет, и она считается первой красавицей школы. Узнал он и то, что девушка вместе с сестрой Лили прибыла из Румынии, где пока остались ее родители, а ее старшие братья уехали в Штаты. По просьбе Арика его подчиненные передали Маргалит записку с предложением встретиться и заодно расхвалили Арика так, что девушка просто не могла не заинтересоваться парнем из Кфар-Малала.

После того, как согласие Маргалит на свидание было получено, оставалось продумать, как это свидание устроить – школа "Мосинзон" была закрытым интернатом для детей, прибывших в Палестину из различных концлагерей и гетто Европы; порядки в ней были необычайно строгие, и в восемь часов вечера ее ворота наглухо закрывались, а еще через полчаса в школе гасли все окна и все ее воспитанники и воспитанницы должны были в это время спать в своих кроватях. Но с помощью друзей Арик проделал дыру в заборе школы, и после того, как в ней был дан "отбой", Маргалит пришла к условленному месту. Как истинный джентльмен, Арик помог ей выбраться на улицу через проделанный им лаз так, чтобы она не порвала и не запачкала платья.

С того весеннего дня они стали встречаться почти ежедневно. Таясь от всех, Арик и Маргалит находили укромное местечко в поле или в саду, часами говорили там друг с другом и все никак не могли наговориться. Их сближало то, что оба слишком долго чувствовали себя совершенно одинокими в этом мире, у обоих никогда не было по-настоящему близких друзей, да и, наконец, их просто тянуло друг к другу, и ни Арик, ни Маргалит были не в состоянии противостоять силе этого тяготения...

Конец их ежедневным свиданиям пришел летом 1947 года, когда стал истекать срок британского мандата, и в Палестину прибыли 11 членов комиссии ООН, призванные определить границы двух будущих государств – арабского и еврейского. Обе стороны понимали, что решающее значение в глазах комиссии будет иметь месторасположение еврейских и арабских населенных пунктов на местности, и потому стали пытаться вытеснить друг друга из мест совместного проживания. Но если евреи делали это, покупая новые участки земли и спешно строя на них новые крошечные поселения, то арабы решили добиться своей цели, захватив под свой контроль движение на дорогах и выживая евреев из их поселений с помощью террора. Арабские банды шныряли на дорогах и время от времени проникали на территорию еврейских горо-

дов и поселков, убивая их жителей. Нередко они поджигали еврейские поля и сады, уничтожая еще не собранный урожай...

В этих условиях, руководство Хаганы сначала решило усилить вооруженную охрану поселков и сельскохозяйственных угодий, а затем – когда этой меры оказалось недостаточно – перейти к активным ответным действиям против арабских бандформирований.

19-летнему Арику Шейнерману поручили командование одним из таких патрульных отрядов, большинство членов которого составляли его сверстники. Понятно, что бойцам такого отряда было необходимо хоть какое-то оружие, но получить его на законных основаниях можно было только одним путем – вступив в ряды находящейся под командованием англичан Еврейской полиции. Через своих людей в этом подразделении руководство Хаганы договорилось о том, что Арик будет принят в еврейскую полицию и в качестве полицейского получит пистолет.

В назначенный час Арик Шейнерман вместе с другими такими же, как он, командирами патрульных групп явился в полицейский участок, чтобы принести в нем присягу "на верность британской короне" и нацепить на плечи погоны рядового Еврейского отряда английской полиции.

Однако, когда пришла его очередь произносить текст присяги, Шейнерман сделал вид, что ужасно говорит по-английски и вместо слов "клянусь хранить верность Британии и Его величеству" произнес что-то совсем невнятное, после чего посчитал себя свободным от каких-либо обязательств перед мандатными властями.

Выйдя в коридор, он рассказал о проделанном им трюке своим товарищам и посоветовал им сделать то же самое.

– Давайте поклянемся, что никогда в жизни мы не принесем присягу на верность никакому другому государству, кроме еврейского! – сказал Арик.

И зачарованные исходившей от него в эту минуту харизмой, магнетизмом его личности все стоявшие в коридоре и ожидавшие принесения присяги еврейские юноши хором повторили:

– Клянемся!

Конечно, кому-то все происходившее в том давнем 1947 году в полицейском участке Кфар-Сабы может показаться ребячеством, однако не стоит забывать о том, какую огромную роль играли различные символы в жизни и сознании того поколения. И не случайно все, кто принес тогда эту клятву, помнили о ней до конца своей жизни.

Получив оружие, Арик Шейнерман стал продумывать первую активную операцию, которая могла бы несколько охладить пыл хозяйничающих в долине Шарон арабских бандитов. В конце концов его выбор пал на сына шейха Абу-Кишка, управлявшего соседней с Кфар-Малал арабской деревней. Молодой отпрыск шейха стоял во главе банды местных юнцов, не раз нападавших на одиноких еврейских путников и поджигавших еврейские сады. Вдобавок ко всему он был обладателем роскошного роллс-ройса, на котором и ездил по долине, демонстрируя ее жителям богатство своего отца.

Арик продумал план операции по захвату машины сына шейха до мельчайших подробностей. На карте он выбрал участок, где по обе стороны дороги росли густые деревья, спрятавшись за которым можно было устроить засаду. Явившись на это место, он приказал своим подчиненным вырыть небольшую яму и залить ее водой. После этого вместе с четырьмя бойцами своего отряда он укрылся за деревьями и стал поджидать, когда же на дороге появится черный полированный роллс-ройс.

Расчет Арика оказался верным: увидев большую лужу, сын шейха испугался, что, проехав по ней на полной скорости, он сильно запачкает свою любимую машину, и притормозил. В этот момент на него с двух сторон и бросились Арик с друзьями. Увидев перед собой пятерых евреев, один из которых вдобавок ко всему размахивал пистолетом, сын шейха бросил машину

и пустился бежать. Проводив его улюлюканьем и презрительным свистом, бойцы Хаганы сели в роллс-ройс и спустя час передали машину в качестве "трофея" руководству организации.

После этого боевые операции, в которых принимал участие Арик Шейнерман, стали следовать за другой. Слухи о том, что в долине Шарон действует еврейский отряд, который сумел без всякого оружия приструнить арабов, разнеслись по всем еврейским поселкам.

Однажды осенним утром 1947 года этот небольшой отряд, закончив ночное патрулирование окрестностей, вошел в Кфар-Малал. Впереди него усталый, в мокрой то ли от пота, то ли от ночной росы куртке шел Арик Шейнерман, и собирающиеся в поле жители поселка, затаив дыхание, смотрели на юношей, по сути дела, еще мальчиков, обеспечивавших их безопасность. Гордый за сына, Самуил Шейнерман внезапно отделился от стоявшей у въезда в поселок толпы и обнял Арика...

Многие жители Кфар-Малала в тот вечер впервые обратили внимание на разительные перемены, происшедшие за последние годы с Ариком Шейнерманом.

Вместо толстого, неуклюжего подростка теперь перед ними стоял молодой, красивый парень с играющими под майкой железными бицепсами, с несколько тяжеловатой, плотной фигурой, но ни в коем случае не толстый, в каждом движении которого сквозила какая-то особая грация прирожденного воина. Этому парню было всего 19 лет, но его беспрекословно слушались полтора десятка бойцов и вдобавок ко всему у него уже была своя девушка. И не просто девушка, а самая красивая девушка долины Шарон!

"Не беда появиться на свет в утином гнезде, если ты вылупился из лебединого яйца..."

Глава 3. На войне как на войне

14 мая 1948 года Арику удалось, наконец, впервые за два последних месяца повидаться с Маргалит.

Обняв любимую, Арик несколько минут стоял, закрыв глаза, и наслаждался выпавшим ему счастьем, а затем сказал, что он должен идти – по слухам, арабские банды готовились прорваться из Калькилии в Кфар-Сабу, и его взводу было поручено занять дорогу, разделявшую эти два расположенных по соседству друг от друга города. По дороге на Кфар-Сабу Ариэль Шейнерман и услышал о том, что Давид Бен-Гурион¹¹ объявил о создании Государства Израиль. Жители Кфар-Малала, забыв на время о давнишней вражде, собрались в эти часы в доме Веры и Самуила Шейнерманов, чтобы услышать транслируемую по радио речь Бен-Гуриона, и точно так же, затаив дыхание, слушали ее в этот момент миллионы евреев во всем мире. Мертвая тишина стояла в течение этих нескольких минут на улицах всех израильских городов и поселков, чтобы через минуту взорваться ликующими криками. Еще через полчаса толпы народу высыпали на улицы, чтобы отпраздновать этот великий день – день исполнения двухтысячелетней мечты еврейского народа о возрождении своего государства на родной земле.

Однако и бойцам, и командирам немедленно созданной на базе Хаганы ЦАХАЛу¹² было не до праздника. Все понимали, что провозглашение Бен-Гурионом Государства Израиль означает начало войны со всем арабским миром. Если учесть, что у этой армии практически не было ни артиллерии, ни авиации, ни танков, что у нее на счету были каждая винтовка и каждый патрон, то ситуация представлялась более, чем серьезной. Да что там винтовки и патроны – у еврейских солдат не было даже нормальной обуви, и идти в атаку по усеянной острыми камнями земле им нередко приходилось в дырявых башмаках.

Война, названная Израилем Войной за Независимость, началась уже на следующий день. Еще спустя сутки арабы перерезали дорогу, ведущую из Тель-Авива в Иерусалим, заняв территорию бывшего Центрального штаба английской полиции у арабской деревни Латрун, а также прилегающие к этому штабу монастырь молчальников и развалины крепости крестоносцев Ля-Турун. Стотысячное еврейское население Иерусалима оказалось в полной блокаде, не только без продуктов питания, но и без воды. Посланные в этот город колонны машин с продовольствием и медикаментами были захвачены арабами – водители и охрана грузовиков были убиты, а сами машины разграблены и сожжены. Остовы тех сожженных грузовиков и сегодня можно увидеть на обочине иерусалимской дороги.

Таким образом, прорыв блокады Иерусалима становился важнейшей задачей начавшейся войны, и ради решения этой задачи Давид Бен-Гурион решил оголить другие участки фронта, бросив на иерусалимское направление сразу две бригады – Седьмую бригаду, которой командовал Моше Шамир, и бригаду генерала Александрони. В составе последней и находился взвод Ариэля Шейнермана.

Еще в первые дни Войны за Независимость Арик сильно ушиб руку и держал ее на перевязи, так что при желании он вполне мог бы получить отпуск по болезни. Но отказываться от участия в столь важном сражении молодой командир взвода не собирался, и 23 мая вместе со своими 36 бойцами он прибыл из Тель-Авива к кибуцу Хульда, откуда должен был начаться штурм Латруна.

Согласно данным командира разведроты Седьмой бригады, будущего шестого президента Израиля Хаима Герцога подступы к Латруну охранялись всего несколькими сотнями плохо вооруженных арабов из соседних деревень, и потому поначалу поставленная перед бригадами Александрони и Шамира задача казалась довольно легкой. Каким образом Герцог и его подчиненные не заметили занявших все подходы к деревне несколько тысяч отлично вооруженных и обученных иорданских легионеров с их станковыми и ручными пулеметами, пуш-

ками, минометами и броневиками, а также приданный им в качестве подкрепления отряд из тысячи бедуинов, до сих пор остается загадкой. Впрочем, не исключено, что все объясняется просто: израильским разведчикам не доставало опыта, а иорданские легионеры, как и бедуины, мастерски владели искусством маскировки.

По разработанному в штабе бригады плану, поздно вечером к уже стоящим в Хульде частям должно было подтянуться подкрепление с несколькими 155-мм гаубицами. Вскоре после полуночи бригада должна была погрузиться повзводно в автобусы, за полчаса добраться от Хульды до Латруна и глубокой ночью атаковать противника. Ночная тьма и фактор внезапности и должны были обеспечить успех этой операции.

Однако шел час за часом, а ожидаемое подкрепление все не появлялось. Затем неожиданно, во время заседания штаба бригады, не выдержав нервного и физического напряжения последних дней, упал в обморок командир 32-ого батальона Цви Герман. Когда стало ясно, что Герман вести в бой своих солдат не в состоянии, было решено заменить его Хаимом Ласковым¹³, лишь недавно прикомандированным к бригаде, не знакомым с полевыми командирами, да и вообще еще слабо ориентирующимся в обстановке на этом участке фронта.

Вдобавок ко всему, командир взвода связистов Тед Арисон (которому предстояло стать самым богатым человеком в Израиле) оставалось никак не мог привести в рабочее состояние доставшиеся бригаде бог весть каким путем старые английские полевые телефоны. Лишь около двух часов ночи, чертыхаясь, Арисон заявил, что он сделал все, что мог, но никаких гарантий, что эти телефоны будут надежно работать и во время боя, он дать не может.

В результате автобусы с подразделениями Седьмой бригады выехали из Хульды только в половине третьего ночи. Большая часть их пути проходила по гористому бездорожью и к Латруну автобусы прибыли лишь около четырех утра, после чего командиры отдали приказ выходить и приступать к выполнению боевой задачи.

Взвод Ариэля Шейнермана находился в голове колонны – перейдя русло высохшего ручья, он должен был миновать виноградники монастыря молчальников и первым атаковать окраины деревни Латрун. Стараясь передвигаться, как можно тише, солдаты Шейнермана, не спеша, приближались к заветной цели. В половине пятого утра, уже на рассвете, Арик увидел впереди белые домики арабской деревни...

И в это время стоявшая вокруг мертвая тишина неожиданно взорвалась пулеметным огнем и автоматными очередями. Еще через мгновение Арик понял, что он и его бойцы оказались в смертельной ловушке: очевидно, иорданцы с самого начала следили за каждым их шагом и не открывали огонь только для того, чтобы подпустить их как можно ближе. Теперь со всех четырех сторон по израильским солдатам был открыт шквальный огонь, а вскоре вокруг них стали рваться и минометные снаряды.

– Ложись! – крикнул Арик, но он мог бы и не отдавать этой команды – все его бойцы и так повалились на землю, пытаясь найти укрытие от вражеских пуль за камнями. Но помогало это слабо: иорданцы сидели на холме, с которого им были отлично видны все солдаты противника, и вели по ним прицельный огонь. Несколько бойцов из взвода Арика были убиты в первые же минуты боя, еще около десяти получили ранения...

В этой ситуации лейтенант Шейнерман принял единственно верное решение: он отдал приказ бегом отступать в сторону русла высохшего ручья, представлявшего собой длинный естественный окоп, в котором можно было укрыться от вражеских пуль. А, отдав приказ, Арик первым поднялся с земли и, петляя, побежал в указанном направлении. Добравшись до ручья, он залег в нем и тут же открыл огонь из своей английской винтовки, пытаясь прикрыть остальных своих подчиненных.

– Бегите! Все время бегите! Не останавливайтесь! – кричал им Арик, выпуская в сторону иорданцев один патрон за другим.

Живыми до берега ручья добежало лишь половина его взвода. Иорданцы тут же сосредоточили весь огонь по руслу, так что израильтяне попросту не могли поднять головы и лишь изредка огрызались на пулеметные очереди одиночными выстрелами. Арику стало ясно, что выбраться отсюда, не подпав под арабские пули, можно будет только ночью, а пока остается лишь лежать и ждать. Тем временем солнце поднялось высоко, и началась обычная для этих мест невыносимая жара, вызывающая мучительную жажду, а весь запас воды его бойцы бросили, как, впрочем, и часть оружия, когда бежали к пересохшему ручью. Полевой телефон, как и предсказывал Арисон, не работал, и, таким образом, они оказались отрезанными от всех остальных подразделений батальона.

Передвигаясь ползком по "окопу", Арик, как мог, помогал раненым и одновременно подсчитывал тех, кто еще может идти в бой. Ситуация все еще не казалась ему безнадежной: и справа, и слева от них гремели выстрелы, а это значило, что Ласков продолжал атаку Латруна.

И вдруг в полдень все стихло.

– Наши готовятся к новой атаке. Видимо, подошло подкрепление, – сказал Арик. – Приготовьтесь: как только они пойдут в бой, мы их поддержим.

Прошло не менее получаса пока он понял, чем была вызвана эта тишина: увидев, что атака захлебывается, Ласков дал приказ отступать, бросив взвод лейтенанта Шейнермана на произвол судьбы. Иорданцы, между тем, прекрасно помнили о засевших в русле ручья горстке евреев, и теперь два их отряда с разных сторон спускались с холма – чтобы, пройдя через виноградники, взять их в "клещи" и захватить в плен. Оставаться на месте означало просто сидеть и дожидаться смерти, и, оглянувшись назад, Арик отдал приказ бежать в сторону расположенного в нескольких сотнях метров от ручья пшеничного поля и попытаться залечь до темноты среди его высоких колосьев.

Вот как вспоминал в одном из своих интервью о том, что происходило дальше один из бойцов взвода Арика Шейнермана Яков Бугин, которому в те дни было 17 лет:

"Арабы наступали на нас несколькими группами, ведя непрерывный огонь и все ближе и ближе подбираясь к нашей позиции. Им никто не мешал... Мы попытались открыть ответный огонь, но наши одиночные выстрелы звучали как плевки в то море огня, который они на нас обрушили. Они были от нас уже в нескольких сотнях метров, когда Арик скомандовал: "Всем бежать за мной!".

Нам было ясно, что наша задача – добежать до пшеничного поля и укрыться среди его высоких колосьев. Беда заключалась в том, что те 300 метров, которые отделяли русло ручья от поля, были совершенно пустынной местностью. Но выхода у нас не было, и мы начали бежать. Многие падали, так и не добежав до заветной цели. В то время, когда я бежал к полю, Арик и получил ранение в живот. Я бежал только потому, что знал: если я останусь лежать на дне ручья, со мной все будет кончено. Арабы добивали всех раненных, а затем глумились над их телами. Иногда они долго издевались над пленными прежде, чем их убить...

Я собрал все оставшиеся у меня силы (до этого Бугин уже был ранен в руку, плечо и шею – АВТ.) и продолжал бежать, сантиметр за сантиметром приближаясь к полю и, в конце концов, оказался среди тех немногих, кому повезло...

Добравшись до кромки поля, я нырнул в колосья и стал ползком передвигаться дальше. Неожиданно я увидел перед собой брошенную английскую винтовку. Такая винтовка была в нашем взводе только у Арика; она вообще считалась очень редким и дорогим оружием. Я поднял винтовку и подумал: "Надо бы вернуть ее Арику!". Наверное, это звучит странно, но в тот момент я почему-то думал только о том, что скажет Арик, когда я верну ему его винтовку. Ей-богу, почему-то именно это мне было интереснее всего на свете. Несмотря на то, что у меня почти не осталось сил, и боль пронизывала все мое тело, я пополз по полю в поисках Арика. Неожиданно в нескольких десятках метров я услышал арабскую речь: арабы прочесывали поле

в поисках раненных. Поднять голову я не мог – тогда бы они меня увидели, но я слышал, как они стреляли в наших ребят и смеялись при этом...

Я продолжил ползти и вскоре услышал неподалеку от себя чье-то тяжелое, прерывистое дыхание. Еще через несколько метров я увидел лежащего на спине и корчащегося от боли Арика. Его рубашка на животе была мокрой от крови. Он открыл глаза, увидел меня и прошептал: "Беги, спасай себя..." Я попробовал к нему прикоснуться, но он резко оттолкнул мою руку – любое прикосновение причиняло ему сильную боль. И тогда я, как мог, стал оттащить его в сторону, подальше от арабов, которые продолжали двигаться по полю и добивать наших раненных. В какой-то момент я приподнялся и увидел их, но они были так заняты своей кровавой "забавой", что, к счастью, не обратили на меня никакого внимания..."

Лишь на следующее утро, когда израильтяне предприняли новую атаку на Латрун, на поле появилась санитарная машина, чтобы подобрать раненных. Заметив ее, Яков Бугин встал, шатаясь, во весь рост и, увидев его залитое кровью лицо, к нему немедленно кинулись санитары.

– Там другой раненный. Сначала возьмите его! – сказал Бугин и рухнул на землю.

На этой машине Арик Шейнерман был доставлен в соседнюю еврейскую деревню Экрон, а оттуда его на "скорой помощи" повезли через Тель-Авив в больницу в Реховот. В Тель-Авиве по каким-то неведомым причинам, которые уже, очевидно, никогда не прояснятся, водитель и медсестра "скорой" неожиданно остановились и, сообщив лежащему с перевязанным животом, мучающемуся от боли Арику, что они "вернутся через минуту", куда-то исчезли на целый час. В это самое время вокруг машины "скорой помощи" стали рваться бомбы – начался первый налет египетской авиации на Тель-Авив. Так как Арик был просто не в состоянии пошевелиться, то ему не оставалось ничего другого как лежать и гадать, попадет ли бомба в машину или нет. К счастью, все обошлось – когда бомбардировка закончилась, водитель и медсестра вернулись в машину, и они продолжили свой путь в больницу.

Врачи реховотской больницы констатировали, что ранение, полученное Ариком, хотя и опасное, но не смертельное – пуля прошла навылет, не задев жизненно важных органов. Уже через неделю Арик Шейнерман сделал первые шаги по палате, а еще через две недели начал уверять врачей, что он совершенно здоров и его нужно срочно выписывать. Однако дни шли за днями, за июнем наступил июль 1948 года, а врачи на все его просьбы отвечали, что он должен по-прежнему находиться под их наблюдением, и Арику оставалось лишь выслушивать новости от постоянно навещавших его Маргалит, родителей, Бугина и других товарищей по бригаде – о том, как были взяты Лод, Рамле и Ашдод, как у тель-авивских берегов расстреляли "Альталену", как прорвали блокаду Иерусалима...

Арик Шейнерман чувствовал, что главные события Войны за независимость происходят без него, и это его никак не устраивало. В конце концов он договорился с товарищами о том, что они принесут ему в палату форму и 3 июля 1948 года, незадолго до начала врачебного обхода, незаметно вышел из больницы. Когда врачи бросились на его поиски, Арик уже находился в расположении бригады Александрони.

Оглядев его критическим взглядом и заметив, что лейтенант Шейнерман то и дело морщится от боли, командир 32-ого батальона Цви Герман понял, что пускать сейчас Арика в бой никак нельзя и назначил его... командиром разведзвода. Первое задание, которое Герман дал командиру разведчиков Ариэлю Шейнерману заключалось в том, что он должен был собрать останки 28 бойцов бригады, попавших в засаду иорданцев и уничтоженных ими.

На поиски этих останков у Арика и его подчиненных ушло больше суток: шаг за шагом они собирали отрезанные руки, ноги, уши, выколотые глаза своих товарищей по оружию. В эти дни он снова с предельной ясностью вспомнил страшные мгновения боя за Латрун, когда он с окровавленным животом лежал посреди пшеничного поля, и понял что могло бы с ним стать, если бы он попал в руки врага.

Рассказывают, что именно с тех пор Ариэль Шейнерман никогда не ложился спать, лично не проверив все караулы, и всегда выбирал для сна такое место, в котором никто не мог застать бы его врасплох.

Тем временем батальон Германа получил задание захватить арабскую деревню Рас-Айн, ныне представляющую собой живописный еврейский городок Рош ха-Айн. Разведку местности перед боем поручили провести взводу Арика Шейнермана. Несмотря на то, что он действительно еще не оправился от ранения, Арик сам вышел на задание и в течение нескольких часов кружил под самым носом противника, время от времени проникая на его территорию — он ни за что не хотел повторять ошибок Хаима Герцога.

Вернувшись, он подробно доложил командованию о расположении арабских воинских подразделений вокруг и внутри деревни, нанес их на топографическую карту, а затем предложил свой план будущего боя, который был принят командованием и в итоге оказался весьма успешным.

11 июля 1948 года подразделение Арика Шейнермана сначала блестяще провело рекогносцировку местности возле деревни Кфар-Сиркин, а затем, следуя опять-таки разработанному Ариком плану, нанесло отвлекающий удар по базирующимся в этой деревне иракским частям. В результате уже через два часа израильтяне заняли Кфар-Сиркин, причем во время штурма деревни они не понесли ни одной потери.

Но были в той давней войне и другие бои, в которых военное счастье далеко не всегда было на стороне евреев. Арик долго не мог простить Цви Герману то, что тот дал приказ отступить во время боя у арабской деревни Дир-Адас, который произошел поздней осенью 1948 года: ему все казалось, что Герман, находившийся на своем КП неверно оценил обстановку и, если бы он дал ему, Арику, возможность продолжить атаку, Дир-Адас была бы взята. Запомнил он на всю жизнь и бездарную операцию ЦАХАЛа в Негеве, когда несколько израильских подразделений оказались в египетской ловушке и, будучи окруженными сражались до последнего патрона...

Но война уже подходила к концу: обе стороны выдохлись и в начале 1949 года охотно подписали соглашение о прекращении огня. Командование армии приняло решение расформировать дивизию Александрони, а ее личный состав отправить в запас. Для Арика Шейнермана это означало нелегкий выбор: он мог вернуться в Кфар-Малал, чтобы развивать семейное хозяйство и поступить на сельскохозяйственный факультет университета, как этого хотел отец, но мог и продолжить военную карьеру...

* * *

В те дни 1949 года Арик неожиданно сблизился с командиром одного из полков бригады Александрони подполковником Бенционом Приданом-Зивом. Несмотря на разницу в звании и возрасте они подружились и могли часами вести душевные беседы. Во время этих встреч Арик постоянно возвращался к событиям минувшей войны. В отличие от большинства израильтян, находившихся в состоянии эйфории от того, что новорожденное еврейское государство сумело выстоять под натиском семи арабских армий, Арик отнюдь не оценивал итоги Войны за независимость как победу.

Вновь и вновь он анализировал те или иные бои этой войны, обнаруживая причины поражений или слишком больших потерь в неверно избранной тактике боя, недостаточной выучке солдат, просчетах полевых командиров. И чем больше Придан-Зив вслушивался в рассуждения юного лейтенанта, тем больше он понимал, что израильская армия просто не может позволить себе потерять такого талантливого офицера. И Придан-Зив стал настойчиво убеждать Арика остаться в армии, обещая сделать все возможное, чтобы тот получил интересную и перспективную должность. Сам Арик был уверен, что он вполне справится с обязанностями

командира разведроты бригады, но эта должность была занята, и тогда Придан-Зив предложил ему временно принять командование ротой, состоящей из новых репатриантов, прибывших в Израиль из СССР и Польши – благо он знал русский язык, который понимало большинство из этих новобранцев.

Новое назначение давало Арику еще одно преимущество: он получал погоны старшего лейтенанта, несмотря на то, что закончил лишь курсы младших командиров и его "потолком" считались лейтенантские погоны.

О том, каким командиром был для своих солдат Арик Шейнерман, свидетельствует история, происшедшая в первые дни его пребывания на этом посту. Отпустив своих подчиненных домой на субботу, Арик велел им вернуться в воскресенье рано утром на базу, так как на этот день он запланировал 10-километровый марш-бросок с полной выкладкой. Часть бойцов явилась в расположение бригады вовремя, а часть намеренно опоздала – в надежде избежать участия в марш-броске.

В назначенное время Арик начал марш-бросок с теми солдатами, которые выполнили его приказ. Днем, когда они с высунутыми от усталости языками вернулись на базу, он ничего не сказал опоздавшим. Но поздно ночью старлейт Шейнерман разбудил всех, кто не участвовал в марш-броске, велел собрать оружие и снаряжение и сесть в уже поджидавший их грузовик. На этом грузовике они были доставлены на расстояние десяти километров от базы, откуда им и пришлось начинать под командованием Арика ночной марш-бросок до своих палаток, сбивая в темноте ноги о камни.

Эта история, как ни странно, не только не настроила бойцов роты против Арика, но и, наоборот, прибавила ему авторитета. Отныне все его подчиненные беспрекословно выполняли любые его приказы. Вскоре о роте Арика Шейнермана заговорили, как о лучшем боевом подразделении бригады, демонстрирующем настоящие чудеса во время учений.

Когда, наконец, пришло время расформирования бригады Александрони, старший лейтенант Ариэль Шейнерман по рекомендации Придана-Зива был назначен командиром разведроты кадровой бригады "Голани", базирующейся на севере страны. И снова молодой командир настолько хорошо зарекомендовал себя, что командование многое спускало ему с рук. Так, когда Ариэль Шейнерман был арестован военной полицией за то, что ехал на джипе, мягко говоря, на очень высокой скорости, и при этом, как выяснилось, даже не имел водительских прав, военная прокуратура потребовала от командования бригады "Голани" присудить старшему лейтенанту Шейнермана 30 суток ареста. Однако комбриг "Голани", опасаясь, что Арик, услышав такой приговор, вспылит и покинет армию, ограничился... устным выговором.

А еще спустя несколько месяцев после этой истории, летом 1950 года 22-летний Арик Шейнерман получил внеочередное звание майора и был отправлен на курсы подготовки командиров батальонов, которыми тогда командовал Ицхак Рабин. Но закончить эти курсы ему так и не удалось – по личной рекомендации начальника военной разведки генштаба ЦАХАЛа майор Шейнерман был назначен командиром разведслужбы Центрального военного округа.

Это была поистине головокружительная военная карьера! Новая должность позволила Арику близко сойтись со многими высшими офицерами израильской армии, стать частым гостем в их домах, что, естественно, открывало пред ним все новые перспективы продвижения по службе. Однако Арик Шейнерман, казалось, меньше всего думал о карьере, да и думать о ней ему было особенно некогда: в конце 1950-51 гг. арабы начали, по сути дела, новую, необъявленную войну против Израиля. В те дни банды террористов то и дело проникали с территории Египта, Иордании и Сирии в израильские города, села и поселки, убивая их жителей. Попытки израильской армии нанести ответные удары, войдя на территорию противника, во-первых, жестко осуждались мировым общественным мнением, а, во-вторых, нередко заканчивались боями с арабскими пограничниками, в ходе которых израильтяне несли новые потери.

На какое-то время майор Шейнерман целиком погрузился в штабную работу, изучая карты и разведданные о противнике, пытаясь предугадать места возможного вторжения террористов, а затем начал сам ездить вдоль границы, детально изучая местность и "встречая" террористов в приготовленных для них засадах. В результате этих вылазок у Арика резко обострились приступы малярии, которой он начал страдать еще в ранней юности, и весной 1951 года врачи настояли на том, чтобы он вышел в отпуск и выехал на два месяца за границу, чтобы поменять климат.

* * *

Эти два месяца абсолютной свободы остались для Ариэля Шарона одним из самых ярких воспоминаний в жизни. Для начала он отправился в Париж, где жил его родной дядя со стороны матери. Увидев, как племянник сходит с трапа самолета в обычных для израильянина шортах, спортивной майке и дырявых босоножках, дядя Йося пришел в ужас и прямо из аэропорта повез Арика в самый дорогой бутик, откуда его племянник вышел по-европейски одетым джентльменом. Погостив пару недель в Париже, Арик отправился в Лондон, где его уже ждали старые друзья по бригаде Александрони Сирил Керн и Ицхак Модай. Ну, а из Лондона Арик отправился в Штаты к родной тетке со стороны отца. Там, в США, Арик Шейнерман, наконец, сдал экзамен на водительские права и гордый этим своим достижением вернулся в Израиль.

Когда он явился в генштаб, чтобы доложить о своем прибытии из отпуска, майору Шейнерману сообщили, что он назначен командиром разведки Северного округа, новым командующим которого стал генерал Моше Даян¹⁴. Это была хорошая новость – Арик давно уже мечтал перейти под командование Даяна, о котором в армии ходили легенды.

Первая встреча Арика с его новым командиром состоялась в ноябре 1952 года, а еще спустя несколько дней Даян вызвал Шейнермана в свой кабинет и спросил, знает ли Арик о том, что недавно иорданцы захватили в плен двух солдат ЦАХАЛа, которые во время ночных учений по ошибке заехали в район Калькилии¹⁵?

Это был смешной вопрос – разумеется, Арик об этом знал.

– Мне бы хотелось, – продолжил Даян, – чтобы ты нашел двух отчаянных парней, которые захватили бы в плен двух иорданских солдат, чтобы мы могли их обменять на наших ребят. Найдешь?!

– Поищу, – уклончиво ответил Арик.

– Вот-вот, поищи! Только не торопись, спланируй операцию, как следует – чтобы все вернулись домой... – и Даян дал понять, что разговор окончен.

Выйдя из кабинета Даяна, Арик немедленно засел за топографическую карту. Иорданцы очень хорошо охраняли свою границу, это было общеизвестно, однако, анализируя карту сантиметр за сантиметром, майор Шейнерман пришел к выводу, что самым слабым местом границы является участок у разрушенного моста через Иордан: иорданские легионеры вряд ли предполагают, что среди израильян найдется какой-нибудь сумасшедший, который решится перебраться вплавь через довольно глубокие и ледяные в это время года воды этой реки.

Как только стусились сумерки, Арик Шейнерман вместе с сержантом Шломо Грубером сел в небольшой тендер и направился к границе с Иорданией. Не доезжая пару сотен метров до этой границы, он выключил мотор, и дальше они с Грубером отправились пешком. Перебравшись вплавь через Иордан в районе разрушенного моста, они стали высматривать "добычу". Расчет Арика оказался верным: на этом участке границу охраняли только два легионера. Вынырнув из темноты, Грубер и Шейнерман оглушили их рукоятками пистолетов, сунули в рот кляп, связали руки, а затем, когда пленники пришли в себя, приставив дула пистолета к

вискам, велели им двигаться в сторону израильской границы. Самым трудным оказалось перенести пленников на себе через реку, а когда она осталась позади, Шейнерман и Грубер велели им снова идти пешком. Погрузив легионеров в тендер, Арик сел за руль, а Грубер на всякий случай остался в кузове с пленными.

В пять часов утра тендер въехал на территорию штаба Северного округа ЦАХАЛа и сдал пленных на руки дежурному офицеру, поручив ему напоить их горячим кофе и хорошо накормить.

В семь часов утра генерал Даян, как обычно, явился на работу и, бросив беглый взгляд на рабочий стол, увидел лежащую на нем записку: "Твой приказ выполнен. Арик".

Слухи о том, как майор Шейнерман и сержант Грубер почти голыми руками захватили в плен двух иорданцев по ту сторону границы мгновенно распространились по всем подразделениям Северного округа. А потом чуть ли не каждую неделю возникали новые слухи о героическом майоре: о том, как он преследовал террористов, как участвовал в перестрелке с сирийцами...

Однако на самом деле будни Арика Шейнермана отнюдь не были наполнены сплошным героизмом: куда чаще ему приходилось выезжать на место уже совершенного теракта, собирать информацию о террористах и передавать ее в руки наблюдателей ООН, которые никак этим террористам не препятствовали. Взятый израильской армией по указанию правительства курс на "сдержанность", отказ от активных действий против террористов, все больше и больше выводил майора Шейнермана из себя и он все чаще задумывался о подаче заявления о демобилизации. Да и Маргалит постоянно говорила о том, как было бы здорово, если бы он ушел из "своей армии" и они бы, наконец, поженились и зажили обычной нормальной жизнью – такой, какой живут миллионы других людей. Ну, а мать с отцом во время его коротких приездов домой вообще прожужжали все уши о том, как им хочется, чтобы он поступил в университет, получил высшее образование...

Правда, когда Арик пытался представить, как он будет жить на гражданке "обычной, нормальной жизнью", ему становилось необыкновенно тоскливо. Однако в декабре 1952 года сама жизнь невольно дала ему повод для подачи заявления об отставке: начальник генштаба генерал Игаль Ядин¹⁶ решил уйти на пенсию по возрасту, а на его место был назначен генерал Мордехай Маклеф¹⁷. Маклеф, в свою очередь, назначил своим заместителем Моше Даяна, а служить под командованием кого-либо другого Арик Шейнерман не хотел.

Однако и в генштабе вовсе не желали навсегда расстаться с таким боевым офицером.

– Вы ведь хотите поступать в университет, верно? – спросил Арика начальник отдела кадров. – Ну и поступайте себе на здоровье! Армия высоко ценит ваши заслуги и готова оплатить вашу учебу. На время учебы вы будете числиться в запасе командиром батальона резервистов. А когда отучитесь, глядишь, снова захотите вернуться к службе...

Таким образом, армия оставляла для Арика двери открытыми. Глядя в спину выходящему из его кабинета Арику, кадровик усмехнулся: он был твердо уверен, что этот парень от них никуда не денется.

Глава 4. 101-ый легендарный

29 марта 1953 года в присутствии небольшой компании друзей армейский раввин обвенчал Ариэля Шейнермана и Маргалит Циммерман, и после того, как Арик произнес ритуальную фразу "Вот ты посвящаешься мне по законам Моисея и Израиля" и разбил стакан в память о разрушенном Иерусалимском Храме, они стали законными мужем и женой. Новобрачные сняли уютную маленькую квартирку в Иерусалиме и для них начались безмятежные дни счастья.

После некоторых колебаний Арик поступил на исторический факультет Еврейского университета и приступил к учебе, а Маргалит, закончившая к тому времени курсы медсестер, начала работать в Иерусалимской психиатрической больнице.

Каждый вечер молодой супруг являлся за Маргалит на работу и под завистливые взгляды ее подруг они возвращались, держа друг друга за руки, домой. По дороге они прикупали бутылку вина, какую-нибудь нехитрую еду и устраивали себе роскошный, по их понятиям, ужин. На эти вечера к Шейнерманам часто заглядывали друзья и начинались долгие разговоры, которые в итоге неминуемо заканчивались бурными политическими спорами.

Арик так и не принял взятого правительством Израиля курса на сдержанность, который, по его мнению, лишь стимулировал арабский террор.

– Арабы понимают только язык силы! – убежденно говорил он. – Если мы по-прежнему будем апеллировать к ООН и прочим бесполезным организациям, они будут продолжать нас убивать. Но если на каждый их теракт мы ответим ударом по их селам, если за каждого нашего убитого они будут платить, по меньшей мере, одним своим, то они начнут задумываться о том, стоит ли им посылать к нам террористов! Да можно и не убивать: как известно, для араба нет ничего священнее, чем его дом, нет для араба большей трагедии, чем разрушение его семейного очага! И если мы в ответ на каждый теракт начнем взрывать дома террористов, оставляя их семьи без крова, то это и в самом деле может остановить террор! Причем для того, чтобы отвечать на теракты таким образом, вовсе не нужно задействовать армию – достаточно создать несколько небольших мобильных отрядов, которые будут проникать на территорию противника, наказывать террористов и возвращаться в Израиль...

Арик знал, что он не одинок в этом своем мнении: многие отборные бойцы ПАЛМАХа оставили в последние месяцы армию, недовольные тем, что ей не дают отвечать на вылазки террористов. А значит, не так уж и сложно было найти солдат для таких отрядов...

Но вечер заканчивался, наступало утро, и студент Шейнерман отправлялся на лекции. Учеба, которая поначалу казалась ему невыносимо скучной, неожиданно захватила его, как только начались лекции по истории Ближнего и Среднего Востока – ведь это была, по сути дела, история арабов, и она помогала ему лучше узнать противника.

В июне 1953 года Арик, явившись для оформления каких-то документов на армейскую базу в Иерусалиме, столкнулся с командиром Иерусалимской дивизии полковником Мишаэлем Шахамом. Разговор у них получился невеселый: только что в иерусалимском районе Катамоны террористами был убит израильский полицейский, до этого, в апреле, от рук террористов погибли два израильских солдата и два жителя Иерусалима; в мае террористы убили по одному человеку в Иерусалиме и в расположенном в долине Шарон поселке Азриэль, а также и двух сторожей из прилегающего к Иерусалиму поселка Ктура... Израиль никак не ответил на эти теракты.

– А что мы можем? – пожал плечами Шахам. – Если мы начнем военную операцию, перейдем иорданскую границу, это будет означать новую войну. А к ней мы пока явно не готовы...

– Да не надо начинать войну! – заметил в ответ Шейнерман. – Нужно просто создать специальное подразделение, которое бы на каждый теракт отвечало бы ограниченной военной акцией. Такие наши ответы на теракты будут восприняты как вполне легитимные...

– Ты предлагаешь, чтобы мы уподобились террористам, начали переходить границу и убивать ни в чем неповинных людей? – раздраженно спросил Шахам.

– Ни в коем случае! – ответил Арик. – Перед каждой такой операцией должна быть проведена разведка, в ходе которой следует максимально точно установить, кто именно несет ответственность за теракт, а затем уже можно войти на территорию противника, уничтожить самого террориста и взорвать его дом – тогда и другие поостерегутся убивать евреев. Нужно лишь, чтобы арабы знали: ни один их теракт не останется без ответа, и ни одного их террориста мы не собираемся оставлять в живых.

Этот разговор, видимо, запал в душу Мишаэлю Шахаму, и он начал осторожно прощупывать почву, пытаясь определить, как отнесутся к идее Арика в генштабе ЦАХАЛа.

В начале июля 1953 года, идя на работу, Маргалит встретила в подъезде вестового из штаба Иерусалимской дивизии, который сообщил ей, что у него есть секретный пакет для майора запаса Шейнермана.

– Арик уже ушел на занятия. Оставьте пакет мне, и я передам ему его вечером, – сказала Маргалит.

О, если бы она знала, что за письмо содержится в этом пакете, она непременно разорвала бы секретное послание на мелкие кусочки, потому что означало крушение всех ее планов на жизнь – на то, что у них с Ариком будет нормальная семья, что он защитит докторскую диссертацию и станет преподавать в университете и ничто никогда не помешает их счастью. Между тем все письмо состояло только из двух строчек: "Нам дали зеленый свет. Срочно приезжай. Шахам".

На следующее утро Арик сидел в кабинете Шахама, на столе которого небрежно лежала свежая газета. "Охранник поселка Бейт-Накуфа убит террористами" – горел набранный огромными красными буквами заголовок на первой полосе.

– В общем так... – Шахам явно раздумывал с чего начать разговор. – О том, что происходит, ты знаешь и без меня. Нам удалось выяснить, что и за последним, и за рядом предыдущих терактов стоит Мустафа Самуэли, житель деревни Наби-Самуэль.

– Шмуэль ха-нави – пророк Самуил! – поправил его Арик.

– ...Наби-Самуэль! – повторил Шахам. – Я тут поговорил кое с кем в генштабе о твоей идее... Не скажу, чтобы она вызвала там особый восторг, но мне ответили, что стоит попробовать – если одна такая операция окажется эффективной, если она не будет чревата слишком большими осложнениями для страны, то можно будет подумать о создании отряда. Для начала я бы предложил создать небольшую группу, которая вошла бы в Наби-Самуэль и взорвала бы к чертям собачьим дом этого убийцы Мустафы Самуэли. И вот теперь я хочу тебя прямо спросить: ты готов создать и возглавить такую группу или в прошлый раз просто чесал языком?

Арик замер. С одной стороны, ему сейчас предлагали претворить в жизнь его мечту, его план, который он вынашивал вот уже столько месяцев. С другой... Он представил, что скажет Маргалит, а затем вспомнил об учебе в университете.

– Когда бы ты хотел, чтобы мы провели такую операцию? – спросил он вслух.

– Хорошо бы прямо по горячим следам – завтра, в крайнем случае, послезавтра...

– Нет, – покачал головой Арик, – завтра я не могу – завтра у меня экзамен по экономической истории Ближнего Востока.

Но полковник Шахам принадлежал к той породе евреев, которая никогда не лезла за словом в карман.

– Послушай меня внимательно, Арик, – сказал он. – Все люди делятся на две категории. Одни учат историю по учебникам, а другие эту историю делают, чтобы было потом что писать

в этих учебниках. Ты должен решить, к какой из этих категорий относишься ты сам. Но решай здесь и сейчас! Если ты скажешь "нет, у меня завтра экзамен", давай просто спокойно разойдемся и забудем об этом разговоре... Так как?

– Да! – сказал Арик.

– Отлично! – спокойно произнес Шахам, словно заранее знал, что иного ответа и не последует. Давай теперь подумаем, что нам нужно для операции...

Выйдя из здания штаба иерусалимской дивизии, Арик сел в выделенный ему Шахамом джип и направился в университет. Правда, в университете вместо того, чтобы явиться на свой исторический факультет и извиниться за опоздание, он свернул в сторону юрфака, заглянул в аудиторию, в которой читалась лекция по классическому римскому праву и попросил разрешить на минутку выйти в коридор студенту Ицхаку Бен-Менахему, прозванному за свой высокий рост Гулливером. О чем Арик Шейнерман говорил с Гулливером, так и осталось покрытым мраком. Известно лишь, что в тот день в аудиторию студент Бен-Менахем так и не вернулся, а вместо этого, как рассказывают очевидцы, через пять минут вместе со студентом истфака Шейнерманом вышел из здания университета, после чего они оба сели в джип и стремительно сорвались с места. Выехав из Иерусалима, Арик и Гулливер направились в сторону деревни Иехизкиэль, где в то время обретались Шломо Баум и Иегуда Даян – два бывших бойца разведроты дивизии "Голани", которой какое-то время командовал Арик.

Баума они застали за дойкой коров, и дальше все произошло по тому же сценарию, что и с Гулливером: короткий разговор, содержания которого никто не слышал, энергичная жестикуляция руками, и через несколько минут Баум снял с себя фартук и сел в джип, оставив своих буренок не доенными. Иегуда Даян против предложения Арика тоже возражать не стал. После этого все четверо вернулись в Иерусалим, на базу дивизии, и Арик сообщил Шахаму, что, по его мнению, группу можно считать сформированной – все трое его товарищей проверены в деле и за каждого он ручается головой. Шахам, однако, считал иначе: одоблив в целом выбор Арика, он присоединил к нему еще трех отборных бойцов своей дивизии – по его мнению, участие в операции семи человек делало ее более безопасной.

Вечером, возвращаясь с работы, Маргалит купила немного колбасы, копченого мяса и овощей, предвкушая, как она будет кормить уставшего от подготовки к экзаменам мужа. Но уже с порога ей в нос ударил резкий запах крепкого кофе, сигарет и мужского пота. Войдя в комнату, она застала весьма живописную картину: учебники по экономической истории Ближнего и Среднего Востока были небрежно брошены на кровать, а вместо них на столе лежали топографические карты, над которыми то переругиваясь, то перешучиваясь друг с другом, склонились семеро раздевшихся до трусов мужчин.

Принесенную ей колбасу и мясо это компания съела в один присест, впрочем, похоже, не особенно обратив внимание на то, что она ест – разработка операции по взрыву дома Мустафы Самуэли находилась в это время уже в своей последней стадии.

Арик разбил операцию на три части. Первая заключалась в том, чтобы глубокой ночью осторожно миновать пограничные посты иорданцев и войти в деревню Наби-Самуэль. На втором этапе они должны были найти дом Мустафы Самуэли, после чего взорвать дверь его дома и ворваться внутрь. Ворвавшись, группа должна была убить Самуэли и тут же возвращаться к израильской границе.

В девять вечера все участники операции оделись, вышли из квартиры Шейнерманов и направили на базу дивизии, чтобы согласовать детали плана с полковником Шахамом.

Поздно ночью группа Арика Шейнермана благополучно миновала пограничные посты иорданцев и бесшумно вошла в деревню Наби-Самуэль. Арик, который в любое время суток с легкостью ориентировался на любой местности хотя бы однажды увиденной на топографической карте, безошибочно привел свой маленький отряд к дому террориста. Однако дом был пуст – словно предчувствуя вкдущуюся на него охоту, Мустафа Самуэли накануне уехал вме-

сте с семьей к родственникам в соседнюю деревню. Но Арик и его товарищи этого не знали. Шломо Баум заложил под дверь дома взрывчатку. Грянул взрыв, однако железная, на совесть сделанная дверь дома Самуэли, выстояла. Зато взрыв разбудил остальных жителей деревни, и ее мужчины, хватая висевшие на стенах ружья, начали выбегать из домов. Еще через несколько минут вокруг семерых бойцов начали свистеть пули, и это означало, что им нужно как можно скорее ретироваться. Бросив в окна пустого дома еще несколько гранат, они со всех ног побежали в сторону крохотной речки Сорек, за которой начиналась израильская территория...

На рассвете Арик вошел в кабинет не спавшего всю ночь Шахама.

– Все живы? – спросил Шахам, поднимая голову.

– Все! – ответил Арик. – Но, командир...

– Главное, что все живы! – облегченно выдохнул Шахам.

– Мы не выполнили задания, командир, – продолжил Арик начатую фразу. – Это – провал! Мы даже не смогли нормально взорвать дверь его дома. Да и в самом доме никого не было...

Но Шахам, поняв из этого короткого доклада, что произошло в Наби-Самуэль, оценивал ситуацию совсем иначе.

Выйдя в коридор, он обнял каждого участника операции, повел их в столовую и велел повару немедленно приготовить для всех сытный завтрак.

– Теперь всем спать! – сказал он, когда семеро бойцов отвалилась от стола. – А ты, Арик, как проспился, сразу же напиши самый подробный отчет о происшедшем.

Но дожидаться этого отчета полковник Шахам не стал, а сразу, как только Арик Шейнерман вышел за дверь, набрал номер телефона военного секретаря правительства Нехемии Аргова.

– Это – успех! – сказал он Аргову по телефону. – Наши парни доказали, что они могут незаметно для пограничников проникать на вражескую территорию, углубляться в нее, входить и действовать внутри арабских деревень! То, что дверь не взорвалась и объекта не было дома – это как раз ерунда, случайность. Сегодня не было, завтра будет! Представляешь, если у нас будет целый отряд таких ребят – человек в 25–30?! Вот тогда арабы у нас попляшут! Тогда они заплатят за все! Мне нужно только, чтобы ты и премьер поддержали эту идею в генштабе! Что значит "нет подходящего командира"?! Конечно, есть – Арик Шейнерман.

Так начиналась история особого 101-ого подразделения ЦАХАЛа, которому предстояло сыграть в современной истории Ближнего Востока не меньшую роль, чем иным дивизиям и бригадам. Именно этому отряду было суждено переломить ход начатой арабами террористической войны в пользу Израиля. Ну, а пока, вернувшись с работы, Маргалит застала мужа храпящим в ботинках и военной форме посреди их семейной кровати.

И взглянув на его жесткую от пота гимнастерку, на брошенный рядом с кроватью пистолет, она поняла, что ее Арик никогда не станет профессором истории в университете. Потому что есть люди, которые пишут учебники истории, а есть те, кто эту историю делает.

Ей не повезло – ее муж относился к последним.

* * *

В конце июля 1953 года, спустя две недели после операции в Наби-Самуэль, майор Шейнерман был вызван к начальнику генштаба Мордехаю Маклефу, и тот без обиняков спросил Арика, согласен ли он принять на себя командование спецподразделением по борьбе с террором.

Арик вновь вспомнил Маргалит, их недавнюю, первую в жизни размолвку, данные во время примирения обещания и, сглотнув слюну, спросил:

– Как вы думаете, товарищ генерал, я смогу совмещать командование этим подразделением с учебой в университете?

– Думаю, что нет, – прямо ответил Маклеф.

– Ну, нет так нет! – сказал Арик.

Никто сегодня уже не может сказать точно, почему новое подразделение было названо "101-м отрядом", откуда взялось это число и кто именно придумал такое название. Оно было просто так названо – вот и все.

В качестве базы для формировавшегося в глубокой тайне отряда было выделено бывшее здание английской полиции, расположенное возле арабского поселка Абу-Гош, на полпути между Тель-Авивом и Иерусалимом. Войти в него должны были лучшие из лучших, и Арик набирал бойцов из разных частей ЦАХАЛа. Большая часть из них была знакома ему по службе в разведке Центрального и Северного округа часть была приняты в состав отряда по рекомендации полковника Мишаэля Шахама и других офицеров. В один из дней в части появился 19-летний Меир Хар-Цион – тот самый, которого Моше Даян потом назовет "лучшим еврейским солдатом со времен Бар-Кохбы". Несмотря на юный возраст, Хар-Цион был уже знаменит на всю страну: в 17 лет он в одиночку перешел израильско-иорданскую границу, чтобы своими глазами увидеть расположенные на территории Иордании останки Петры – самого древнего города на земном шаре. Погуляв по Петре, юноша вернулся обратно в родной кибуц, а слухи о его приключении мгновенно распространились по Израилю, сделав Хар-Циона героем в глазах молодежи.

Как вспоминает сам Хар-Цион в своей книге "Отрывки из дневника", он был недоволен скучной службой в пехотных войсках и постоянно направлял начальству просьбы перевести его в "более интересное место". В августе 1953 года Хар-Циона вызвали к командиру батальона, велели собирать вещи и направляться в Абу-Гош в распоряжение майора Шейнермана. Когда Меир Хар-Цион явился в распоряжение 101-ого отряда, он увидел майора Шейнермана сидевшего вместе со старшим сержантом Шломо Баумом на крыше бывшего здания английской полиции, свесив ноги и увлеченно обедавшим.

Держа в одной руке чемодан со своими вещами, Хар-Цион отдал честь и доложил, как это предписывалось уставом:

– Рядовой Хар-Цион прибыл в ваше распоряжение, товарищ майор¹⁸!

– Очень хорошо! – откликнулся Арик, не прекращая жевать. – Давай, залезай сюда, поешь с дороги!

Все это никак не соответствовало представлениям Хар-Циона об армейской дисциплине и субординации, да и вообще не вменялось ни в какие представления об армии.

Схожие воспоминания о первой встрече с Ариэлем Шейнерманом оставили и другие бойцы 101-ого особого отряда.

Двадцать пять солдат было в этом отряде, но имя почти каждого из них вписано золотыми буквами в пантеон воинской славы Израиля: Шломо Баум, Зеэв Слуцкий (Амит), Мотька Бен-Порат, Ури Оппенгеймер, Шмуэль Нисим (Фалах), Меир Бухбут, Йорам Нахари, Арик Шляйн, Шай Держевский, Яир Тель-Цур, Эли Гозный, Шмуэль Мирхав, Давид Тамир (Баби), Шломо Груббер, Ханаан Самсон, Цви Садан, Ишай Циммерман, Ицхак Джибали, Шимон Каханер (Кача), Меир Хар-Цион...

Внешне жизнь личного состава 101-ого отряда напоминала не будни армейского подразделения, а быт то ли партизанского отряда, то ли дружины разбойников, то ли – как бы неприятно это сравнение ни звучало для еврейского уха – казачьей вольницы. Все его бойцы ходили по территории базы в свободной гражданской одежде, никто не обращал внимания на воинские звания, никто никому не отдавал честь. Дежурные по кухне занимались тем, что подстреливали горных коз и куропаток в окрестном лесу и жарили их на вертеле, после чего все усаживались у костра наслаждаться свежей дичью...

Но это внешнее впечатление было обманчиво. На самом деле в отряде царила железная дисциплина, и все его члены беспрекословно подчинялись Арику Шейнерману. Весь отряд был разбит на "четверки", между которыми шло скрытое, а порой и открытое соперничество, всячески поощряемое Ариком. День в отряде начинался за несколько часов до рассвета, а заканчивался порой глубокой ночью, так что в лучшем случае бойцы спали по три-четыре часа в сутки. Все остальное время было посвящено изнурительным тренировкам: многокилометровым пробежкам по окрестностям, накачиванию мышц в спортзале, стрельбе в дневных и ночных условиях, рукопашному бою, ориентированию и скрытному перемещению по местности, саперному делу – словом, всего и не перечислишь...

Спустя месяц учений Арик впервые решил попробовать своих ребят в деле. Первое задание, которое он им поручил, было предельно простое: они должны были глубокой ночью незаметно проникнуть на территорию находящейся на иорданской стороне арабской деревни Абу-Лахия, столь же скрытно пересечь эту деревню с запада на восток и, не производя ни одного выстрела, вообще никаких действий, вернуться на свою территорию. Как писал потом сам Шарон в своей автобиографической книге "Воин", для него в тот момент было важно, чтобы его парни "немного понюхали порошу" и укрепили уверенность в себе.

Увы, порох им пришлось понюхать в самом буквальном смысле этого слова. Первое же задание оказалось проваленным: не успели бойцы отдельного 101-ого отряда войти в Абу-Лахия, как были замечены ее ночным сторожем, который, разумеется, немедленно открыл по ним огонь из винтовки, подняв на ноги всю деревню, а затем и пограничников. Пули свистели над головами ребят Арика на протяжении всего их весьма поспешного отступления. Домой отряд, к счастью, вернулся без потерь, но в крайне подавленном настроении – получалось, что, несмотря на все тренировки, им не удалось пройти под носом у самого обыкновенного сторожа! А что было бы, если бы деревню патрулировали иорданские легионеры?!

Однако Арик отнюдь не потерял после этой операции присущего ему оптимизма. Расспросив каждого из участников этой первой операции отряда по отдельности, он самым внимательным образом проанализировал причины, приведшие к обнаружению отряда, и внес в соответствии со сделанными выводами изменения в режим тренировок, еще больше ужесточив их.

В сентябре 1953 года 101-ый отряд получил, наконец, первое задание командования: выбить на территорию Египта бедуинские племена, которые проникали в Израиль с Синая и захватывали под свои пастбища и передвижные поселки землю в пустыне Негев. Для выполнения этого задания Арик взял с собой 16 человек, посадил их на джипы и двинулся в сторону Негева.

На следующую ночь отряд Арика ворвался в лагерь бедуинского племени Узма и начал безостановочно палить в воздух. Испуганные бедуины, выскочив из своих палаток, бросились бежать во все стороны. Еще спустя несколько минут лежащая над пустыней ночь осветилась десятками костров – после того, как его парни собрали брошенное бедуинами оружие, Арик велел поджечь их палатки.

К утру бедуины пришли в себя, и несколько десятков вооруженных мужчин из обретавшихся в Негеве различных бедуинских племен, горя жаждой мести, напали на расположенных посреди пустыни полтора десятка бойцов 101-ого отряда. Завязалась ожесточенная перестрелка, в ходе которой Арик убедился, что не зря потратил последние недели на тренировки по стрельбе на поражение противника в любых условиях. Понесся немалые потери, бедуины отступили, но только для того, чтобы вскоре начать новую атаку. Так – в непрерывных перестрелках – прошло несколько дней, пока, наконец, вожди бедуинов не поняли, что борьба с этими ни весть откуда взявшимися в пустыне евреями слишком дорого обходится их кланам, и приняли решение отойти вглубь Синайской пустыни. Отряд Арика опять не понес ни одной потери, но возвращался домой со смешанными чувствами: если одни откровенно ликовали по

поводу победы и успешного выполнения первого задания командования, то другие предпочитали угрюмо молчать на сидениях джипов.

Общее мнение недовольных выразил на привале Меир Хар-Цион.

– И что?! – спросил он. – Это и есть то, что ты, Арик, называл "настоящим делом"? С кем мы воевали?! С арабскими солдатами?! С террористами?! Вся вина этих людей заключалась в том, что они незаконно пересекли границу. Так они это делают испокон веков – бедуины, как известно, кочуют по пустыне и никаких границ не признают! Во всяком случае, они никого не убили и не собирались никого убивать, пока мы их не тронули... Так зачем все это было нужно?! Почему мы должны были пролить их кровь?!

– Это было нужно хотя бы для того, чтобы арабы усвоили, что Израиль – это не проходной двор, а суверенное государство, которое никому не позволит просто так шастать через свою границу! – отчеканил майор Шейнерман. – Сегодня через нее, никого не спрашивая, переходят бедуины, а завтра перейдут террористы. Да и потом, кто сказал, что бедуины не могут быть террористами?!

Придет время – и Меиру Хар-Циону на собственном горьком опыте придется убедиться в правоте Арика. Но это будет после, а пока Моше Даян, не дожидаясь возвращения отряда на базу, сам приехал в Негев, чтобы поздравить Арика и его солдат с блестящим выполнением первого задания.

Воодушевленный этим успехом, Арик начал тут же готовить следующую операцию. По его мнению, на этот раз целью его отряда должен был стать лагерь беженцев Аль-Буридж в секторе Газа. Цель, само собой, была выбрана не случайно: в Аль-Буридже располагался центральный штаб фидаинов – состоящих, в основном, из палестинских арабов банд диверсантов, которые то и дело переходили границу и нападали на израильские населенные пункты.

По замыслу Арика, на этот раз отряд должен был действовать, разбившись на три группы. Первая из них ворвется на центральную улицу лагеря и обстреляет несколько кафе, в которых любят собираться террористы. После этого в лагере беженцев должна начаться паника, которая и позволит другой группе беспрепятственно взорвать Центральный штаб фидаинов. Еще одна группа, в свою очередь, должна будет прикрыть первую, когда та начнет отступать.

Вечером Арик ознакомил со своим планом весь личный состав подразделения, и на этот раз с его резкой критикой выступил Шмуэль Нисим (Фалах), совмещавший службу в отряде с учебой на юрфаке университета.

– Я категорически против этой аморальной авантюры, – заявил Фалах. – Следует помнить, что в лагере беженцев живут не только террористы, но и обычные, ни в чем не повинные арабы. И в кафе, между прочим, сидят тоже не только террористы, но и те, кто никакого отношения к террору не имеет. Значит, нет никакой гарантии, что когда мы откроем огонь по кафе, мы попадем только в террористов. Извини, Арик, но это все равно, что выйти сейчас на улицу любого нашего города и начать стрелять по прохожим – а вдруг среди них тоже есть тайные арабские террористы!

– Если тебе не нравится план, значит, ты не будешь участвовать в этой операции! – отрезал Арик. – Но план остается в силе. Все свободны.

Следует отметить, что к этому времени бойцы 101-ого отряда уже успели познакомиться как с положительными, так и с отрицательными сторонами личности своего командира.

"Как командир, – вспоминает в своих мемуарах Ицхак-Кача Каханер, – он обладал способностью сохранять хладнокровие в любой, самой критической ситуации, в минуты, когда и его жизнь, и жизнь всех остальных, казалось, висела на волоске. Это не значит, что для принятия правильных решений ему непременно нужно было оказаться на волосок от гибели (бывают и такие командиры). Нет, он умел рассуждать здраво в любых условиях, но в те минуты, когда становилось особенно горячо и многие готовы были впасть в панику, мы группировались вокруг Арика, который умел даже под шквальным огнем противника сохранить присутствие

духа и действовать так же спокойно, слово он находится не на поле боя, а сидит за чашкой кофе в кафе. Он никогда не требовал от нас сделать то, чего он сам не мог сделать. Он всегда был впереди нас. Короче, он был прирожденным лидером. Лидер, на мой взгляд, – это тот человек, который может убедить тебя, что то, чего он хочет, на самом деле хочешь и ты. Арик был просто непревзойденным мастером такого убеждения".

Но Шмуэль-Фалах Нисим вспоминает и другого Арика – вспыльчивого, способного во гневе больно ранить человека, порой откровенно заносчивого и высокомерного, с явными замашками диктатора.

"Иногда Арик орал на нас, – вспоминает Фалах. – Он был перфекционист и, если кто-то допускал ошибку или просто оказывался не в состоянии выполнить порученное ему задание, Арик мог "добить" его своими насмешками и оскорблениями, мог унижить в гневе перед всеми. Часто сам его гнев был на самом деле только игрой на публику – это только внешне казалось, что он вот-вот взорвется от возмущения; внутри же он чаще всего сохранял абсолютное спокойствие. На следующий же день после такой вспышки Арик "отходил", и мог расточать тому же самому бойцу, которого обидел, лестные комплименты, перебрасываться с ним шуточками, вести себя с ним, как с лучшим другом – так, как будто между ними ничего не произошло. В конечном счете его прощали, так как все понимали, что главная его цель – сделать из нас настоящих бойцов... Если в генштабе забраковывали какую-то очередную его идею или отказывались дать разрешение на проведение подготовленной им операции, он возвращался на базу мрачнее тучи и называл некоторых из офицеров генштаба "ничтожествами" и "жалкими, никчемными людишками"..."

Но главная претензия Фалаха к своему командиру заключалась в другом.

"Он действительно обладал необычайной смелостью, – рассказывает Фалах дальше. – Несмотря на свой избыточный вес, он двигался с потрясающей ловкостью. Но многие из нас и в глаза, и за спиной не раз критиковали Арика. Очень скоро мы почувствовали, что Арика куда больше интересуют результаты операции, чем количество потерь со второй стороны, в том числе, когда речь шла о мирном населении. Далеко не все были согласны с таким его подходом и по этому поводу у нас часто вспыхивали споры..."

Так что та стычка между майором Шейнерманом и его солдатом Шмуэлем Нисимом была первой, но далеко не последней. Оставив свой план по проведению операции в Аль-Буридж в силе, Арик начал спешно готовить отобранных для участия в ней бойцов и уже на следующий вечер они выехали на джипах в Негев, а оттуда пешком, мимо египетских патрулей, вошли в сектор Газа. Однако на входе в Аль-Буридж первая группа столкнулась с двумя вооруженными охранниками лагеря. Меир Хар-Цион сумел оглушить ударом одного из них, но второй успел убежать внутрь лагеря. Естественно, он поднял на ноги всех его жителей, и, прежде всего, фидайнов, мгновенно возжелавших захватить в плен незваных гостей. И когда первая группа бойцов 101-ого отряда вышла на центральную улицу лагеря Аль-Буридж, она немедленно оказалась окруженной со всех сторон разъяренной вооруженной толпой, жаждущей крови.

По всей видимости, арабы не сомневались, что смогут взять этих евреев голыми руками, и в этом-то и заключалась их роковая ошибка. Они видели перед собой лишь четверых израильских солдат, противостоящих сотням вооруженных мужчин, не подозревая, что каждый из этих солдат стоит целого отделения, а то и взвода, не зная, какой огромный ресурс выживания вложил в них Арик Шейнерман. На центральной улице закипел жаркий бой, в который вскоре включилась обогнувшая лагерь беженцев с другой стороны вторая группа. Когда арабы увидели, с какой нечеловеческой яростью, сея вокруг себя смерть, сражается эта четверка израильских солдат, они невольно подались назад, а поняв, что по ним стреляют и сзади, решили, что в лагере началась широкомасштабная операция ЦАХАЛа и стали в страхе разбегаться кто куда. Это позволило третьей группе, как и предполагал Арик, беспрепятственно взорвать централь-

ный штаб фидаинов. Кстати, единственный раненный в ходе этой операции солдат ЦАХАЛа оказался именно в этой группе – из-за неправильного обращения со взрывчаткой.

На следующий день стало известно, что потери с палестинской стороны в результате развернувшегося в Аль-Буридже боя составили 20 убитых и 20 тяжело раненных. В генштабе эти потери были расценены как чрезмерные.

– Мы воюем с террористами, а не с мирными жителями, и вы, черт возьми, солдаты ЦАХАЛа, а не наемные убийцы! – бушевал в своем кабинете начальник генштаба Мордехай Маклеф, пока Арик стоял перед ним навтыжку и, как казалось, внимательно и проникновенно, выслушивал сыпавшиеся на него упреки. На самом деле слова генерала пролетали мимо его ушей: майор Ариэль Шейнерман был убежден, что главное заключается в том, что его 101-ый отряд доказал, что способен наносить эффективные удары по гнездам террора. И когда через неделю он услышал о том, что, по данным армейской разведки, после операции в Аль-Буридже фидаины заметно поутихли, Арик довольно улыбнулся. Цель была достигнута – и это для него было главное. Что касается цены, то она его, похоже, вполне устраивала.

* * *

В ночь с 12 на 13 октября 1953 года банда террористов ворвалась в прилегающий к Тель-Авиву с востока городок Йегуд и забросала гранатами один из его домов. В результате этого теракта в своей кровати была убита Сюзан Каниас и двое ее детей – трехлетняя Шушана и полторагодовалый Реувен. Злодейское убийство матери и детей потрясло страну, Израиль жаждал мести и правительство понимало, что этот теракт не может остаться без ответа.

Утром премьер-министр Бен-Гурион собрал экстренное заседание правительства, на которое было приглашено все командование генштаба и ряд боевых офицеров, включая майора Шейнермана.

Начальник военной разведки Моше Даян сделал доклад, в котором сообщил, что все террористы, как установила разведка, являются жителями деревни Кибия, и добавил, что, с его точки зрения, реакция Израиля на теракт в Йегуде должна быть как можно более устрашающей: ЦАХАЛ должен войти в Кибию и разрушить там не менее 50 домов, не тронув, разумеется, ее мирных жителей во избежание международного скандала.

За столом начался спор о том, какое из подразделений может взять на себя эту задачу, и вскоре выяснилось, что, по мнению всех участвующих в заседании командиров дивизий, на разработку и подготовку столь широкомасштабной операции требуется хотя бы неделя, а между тем Бен-Гурион настаивал на том, чтобы она была проведена как можно быстрее, в самые ближайшие дни.

Арик, будучи самым младшим по званию среди остальных участников этого совещания, терпеливо ждал, пока они выговорятся, одновременно наслаждаясь предчувствием своего звездного часа.

Наконец, ему предоставили слово, и майор Шейнерман, не спеша, подошел к висевшей на стене карте.

Для начала он напомнил о том, что именно для проведения таких операций и было создано его 101-е подразделение. А потому его подразделению не нужно ни недели, ни даже нескольких дней для подготовки – его бойцы всегда находятся в боевой готовности. Что касается плана операции, то...

Арик продолжил говорить, водя указкой по карте, изображавшей местность, которую он знал, как свои пять пальцев еще со времени службы начальником разведки Центрального округа. Это позволило ему без особого труда обозначить маршрут, по которому можно было проникнуть на территорию Иордании для осуществления операции возмездия, обойдя явно готовящихся к израильской атаке иорданских пограничников. Конечно, такую большую

деревню, как Кибия, силами только 101-ого отряда не взять, да и взорвать такое количество домов не так просто, добавил Арик, но ему хватит и подкрепления в виде двух взводов бригады десантников: 101-ый отряд войдет в Кибия с одной стороны, десантники – с другой, после чего жителям Кибии будет предложено покинуть свои дома, и те будут взорваны. 500 килограммов взрывчатки будет вполне достаточно...

– Ну, вот, – сказал довольный Бен-Гурион. – А вы все говорили: невозможно, невозможно!

Вечером 14 октября сводный отряд ЦАХАЛа в составе 20 бойцов 101-ого подразделения и двух десантных взводов под командованием Ариэля Шейнермана пересек границу и направился в сторону Кибии. Если не считать того, что Арик по дороге время от времени ворчал, выражая недовольство уровнем подготовки десантников, операция прошла по плану. Войдя в деревню с двух сторон, израильские солдаты быстро подавили огонь находившихся в ней иорданских легионеров, а обитатели Кибии покинули свои дома сами, поняв, что евреи пришли мстить за недавний теракт.

Взорвав 42 дома, сводное подразделение ЦАХАЛа благополучно вернулось на родную землю. Ариэль Шейнерман доложил Моше Даяну об успешном исходе операции, на вопрос о потерях сообщил, что в ходе боя было убито 12 иорданских солдат, а с израильской стороны обошлось вообще без потерь, после чего Даян с чувством пожал Арику руку, назвал молодцом и отпустил домой отсыпаться.

Счастливый Арик поспешил выполнять приказ. Дома он впервые за много дней обнял жену и... вскоре заснул, как пишут в таких случаях в сказках, богатырским сном.

Спал он долго – ровно сутки, а, проснувшись, потянулся рукой к Маргалит, но вместо нее наткнулся на лежащий рядом с ним ворох газет. Открыв глаза, Арик бросил беглый взгляд на газеты и... обомлел.

"69 убитых мирных жителей в деревне Кибия! Большинство жертв – женщины, старики и дети! Мир обвиняет Израиль в кровавой резне в арабской деревне! ООН взвешивает вопрос о введении санкций против Израиля!" – кричали заголовки на первых полосах.

Арик понял, что это – конец. Конец 101-ому отдельному отряду, его военной карьере, конец всему – никто никогда не простит ему тех последствий, которые он навлек на страну. Но самое главное заключалось в том, что он не мог понять, как такое могло произойти: ведь Кибия была пуста, она выглядела как совершенно мертвая деревня – он видел это собственными глазами! Затем он сам обошел большую часть всех намеченных к взрыву домов, ходил по их комнатам, окликал людей – и никто на этот его зов не отозвался. Лишь в одном доме он нашел маленькую девочку и вынес ее на руках на улицу, чтобы она не пострадала при взрыве...

Это был конец. Конец всему.

Рывком поднявшись с постели, Арик оделся и поехал в генштаб.

– Ты можешь делать со мной все, что ты хочешь, но, клянусь тебе, я не знаю, как это получилось! – сказал он, входя в кабинет Моше Даяна.

– Зато мы уже знаем, – криво усмехнулся Даян. – Арабы никуда не ушли. Вернее, часть ушла, а наименее мобильная часть – старики, женщины и дети – осталась...

– Этого не может быть – я лично проверял все дома! – возразил Арик.

– К сожалению, это было. Они решили остаться и попрятались в подвалах домов в надежде пересидеть там до тех пор, пока вы уйдете. И погибли под обломками... Ты действительно мог ничего не знать о тех, кто засел в подвалах. Но кого это сейчас волнует?!

– И что теперь будет со мной и с моими ребятами?

– Увы, это решаю уже не я. Вот, – Даян кивнул на лежащий перед ним лист бумаги, – сегодня утром мне сообщили, что 19 октября Старик хочет говорить с тобой лично. От него ты все и узнаешь.

Утром 19 октября 1953 года Ариэль Шарон услышал по радио официальное заявление Бен-Гуриона по поводу событий в Кибие.

"Проведя тщательное расследование, – говорил Бен-Гурион, – мы выяснили, что ни одно подразделение ЦАХАЛа, включая самое маленькое, не принимало участия в атаке на Кибю. Вместе с тем мы не исключаем, что эта акция, обернувшаяся столь трагическими последствиями, была совершена жителями каких-либо еврейских населенных пунктов, пострадавших от арабского террора или беженцев из арабских стран..."

Старик лгал и знал, что лжет! Арик и сам считал, что порой, во имя высших целей, ложь необходима и вполне уместна, но эту ложь из уст Бен-Гуриона он воспринял как предательство. Слова премьера о "самом маленьком подразделении ЦАХАЛа" могли означать только одно: тот уже принял решение о роспуске 101-ого отряда, чтобы никто не смог никогда докопаться до правды.

С тяжелым чувством майор Шейнерман вошел спустя несколько часов в кабинет премьер-министра.

Но первый вопрос Бен-Гуриона ошеломил его: оказывается, ненавидевшего своих политических противников смертельной ненавистью Старика больше всего волновало, нет ли среди бойцов его отряда сторонников оппозиционных режиму партий и бывших членов организаций ЭЦЕЛ и ЛЕХИ?

– Они вполне могли устроить за твоей спиной резню в Кибие! – пояснил премьер свой вопрос. – Кого-кого, а этих гадов я знаю лучше, чем кто бы то ни было.

Когда Арик ответил, что все бойцы его подразделения являются выходцами из кибуцев, поддерживающих правящую социалистическую партию МАПАЙ, Бен-Гурион успокоился, и разговор потек в ином русле.

Он внимательно выслушал рассказ Арика о том, какой мертвой выглядела Кибия накануне взрывов, как Арик сам обходил дома, как вынес из одного из них девочку, и вдруг заметил:

– В конце концов, все к лучшему! Не важно, что скажут о происшедшем в Европе, а важно то, как его оценят здесь, у нас, на Ближнем Востоке. А, судя по всему, после Кибии арабы не на шутку напуганы. Они поняли, что мы можем на равных говорить с ними на их языке – языке силы, и меня это устраивает.

Уже завершая длившуюся больше часа беседу, Бен-Гурион, которому все больше и больше нравился этот молодой майор, спросил:

– А почему ты до сих пор не сменил фамилию? Ну что это за галутное тряпье – "Шейнерман"?! Ты ведь – сабра¹⁹, уроженец этой земли, новый еврей, а не живущий где-то в Европе и говорящий на идише хлюпик! Нет уж, давай мы тебе придумаем какое-нибудь новое, настоящее еврейское имя! Что такое "Шейнерман" на идиш?! "Красивый человек", верно? Так ты будешь у нас Шароном! Шарон – это почти то же, что Шейнерман, только на иврите. И к тому же ты ведь родился в Шароне.

Так 19 октября 1953 года произошли сразу два важных события.

Во-первых, у Арика появился новый друг и покровитель, занимавший в тот момент высший пост в стране.

Во-вторых, в тот день перестал существовать Арик Шейнерман и вместо него у Израиля появился Ариэль Шарон.

Хотя до своих последних дней он просил называть его просто Ариком.

Глава 5. В бой идут одни "старики"

С этого времени одна операция 101-ого отряда следовала одна за другой, почти все они оказывались чрезвычайно успешными, и слухи о том, что у ЦАХАЛа есть некое секретное подразделение коммандос, которое мстит арабам за каждый их теракт, распространились по всей армии. Однако далеко не все в генштабе и в боевых частях относились с одобрением к деятельности 101 отряда и его командира. На штабных заседаниях все чаще и чаще Арика и его бойцов презрительно называли "партизанами в форме" и подвергали операции отряда разгромной критике. Арик возвращался с таких совещаний злым, страшно голодным и с горечью говорил о "бюрократах в форме", присовокупляя к своим словам отборную брань.

Необходимо заметить, что в значительной степени виновником такого негативного отношения к "отдельному 101-му" были сами его бойцы. Окруженные ореолом славы, они считали себя самой элитной частью ЦАХАЛа, личному составу которой позволено то, что запрещено всем остальным. Какое-то время, благодаря покровительству Бен-Гуриона и Даяна, все выходки солдат Арика сходили им с рук, но в декабре 1953 года произошло событие, давшее козырные карты в руки сторонников роспуска 101-ого отряда.

Все началось с того, что один из бойцов 101-ого был в канун субботы (то есть в пятницу вечером) задержан военной полицией за то, что он ехал на армейском джипе, передвигаться на котором внутри гражданских населенных пунктов было строго запрещено.

Задержанный солдат отказался назвать полицейским данные своего подразделения (по той простой причине, что само его существование было строго засекречено) и вскоре между ним и полицейскими началась словесная перепалка, быстро перешедшая в размахивание кулаками. Увидев, что вдвоем они с этим странным солдатом почему-то не справляются, полицейские вызвали дополнительный патруль, а за ним – и еще один... Наконец, когда отряду из 12 полицейских, удалось повалить бушующего солдата на землю и сковать ему руки и ноги, они решили припомнить арестованному все полученные ими от него удары и стали зверски его избивать.

С окровавленным лицом и синяками на всем теле этот боец 101-ого отряда был доставлен в отделение армейской полиции в Тверии, где ему предоставили право на один телефонный звонок. Большая часть личного состава 101-ого отряда отправилась на выходные домой, и трубку снял дежурный по подразделению Фалах. Солдат начал было рассказывать о том, что с ним произошло, но тут сержант полиции взял у него трубку и потребовал от Фалаха, чтобы тот назвал данные своего подразделения.

– Не тебе, сопляк, спрашивать о нашем подразделении! – в гневе ответил Фалах и услышал в трубке отбойные гудки.

Вечером в субботу полицейские отпустили арестанта, и он добрался до базы родного отряда. Когда солдат рассказал, как жестоко его избили в полиции, Фалах вспылил и, не дожидаясь возвращения Шарона (он должен был вернуться из отпуска в воскресенье утром), взяв с собой трех бойцов, поехал в Тверию – "чтобы показать, что никто не имеет права поднимать руку на ребят из 101-ого".

То, что произошло потом в участке армейской полиции в Тверии, в генштабе было названо одним словом: "погром". Трое бойцов 101-ого отряда, ворвавшись в полицейский участок, начали крушить и мебель и избивать всех, кто попадался им под руку. В результате почти все служащие это отделения полиции получили травмы различной степени тяжести, а один из полицейских – тот самый, который особо усердствовал в избиении их товарища, был доставлен в больницу со множественными переломами ребер, переломом руки, носовой перегородки и сильным сотрясением мозга.

В воскресенье в командовании армейской полиции, а затем в генштабе разразилась буря. Все понимали, что на этот раз парни из 101-ого явно перешли все границы, причем на этот раз имелись в виду отнюдь не границы Израиля с его арабскими соседями. От командира отряда Ариэля Шарона потребовали примерно наказать всех участников погрома в Тверии, приговорив их не менее чем к 30 дням тюремного заключения. Шарон внимательно выслушал указания начальства, отдал честь и, вернувшись на базу...отправил трех провинившихся бойцов домой в двухнедельный отпуск.

Потом Шарон пытался объяснить, что для его подчиненных две недели жизни вне отряда гораздо страшнее, чем 30 дней тюрьмы, но его никто не слушал – все сходились во мнении, что 101-ый отряд окончательно зарвался и с ним нужно что-то делать. Вскоре прозвучало предложение присоединить 101-ый отряд к 890-му воздушно-десантному батальону, распределив его личный состав среди всех взводов подразделения – так, чтобы он перестал существовать как отдельная боевая единица.

Происходившие в армии и в государстве события способствовали ускоренному претворению этого решения в жизнь. Сначала из-за конфликта с и.о. генерального директора министерства обороны Шимона Переса подал в отставку начальник генштаба Мордехай Маклеф. Давид Бен-Гурион успел назначить новым начальником генштаба Моше Даяна, но через два дня сам подал в отставку с поста премьер-министра и министра обороны. Новым премьером стал Моше Шарет²⁰, убежденный в том, что нужно не отвечать на арабские теракты, а настойчиво искать пути примирения с арабскими странами. Понятно, что 101-ый особый отряд в эту политическую концепцию не вписывался, и 6 января 1954 года под давлением нового политического руководства Моше Даян подписал приказ о его расформировании и присоединении к 890-му батальону. В конце 1953-ого года четверо бойцов во главе с Меиром Хар-Ционом вышли на последнюю операцию своего отряда: углубившись на территорию противника на 22 километра, они вошли в Хеврон, превратившийся в последнее время в центральную базу сразу нескольких террористических организаций, развязали ожесточенный бой в самом центре этого города, а затем по заснеженным горам благополучно вернулись на базу.

Тем временем Моше Даян напряженно размышлял о том, что же ему делать с майором Ариэлем Шароном. Наконец, вспомнив, как Шарон жаловался на плохую подготовку десантников после операции в Кибие, он принял решение и вызвал к себе командира 890-ого батальона Иегуду Харари. Харари, числившийся на хорошем счету у начальства, был уверен, что новый начгенштаба вызывает его исключительно для того, чтобы обсудить процесс присоединения 101-ого отряда к его бойцам, и направился на эту встречу в самом благодушном расположении духа. Когда же Даян сообщил, что собирается перевести его в другое подразделение, а командование сводным 890-м батальоном доверить майору Шарону, Харари возмутился и обиделся до глубины души.

На следующий день Моше Даян приехал в расположение батальона и сел обедать вместе с его солдатами и офицерами в общей столовой. Ничего необычного в этом не было – многие офицеры генштаба любили в то время наведаться в ту или иную часть, пообедать вместе со всеми ее бойцами, чтобы затем, в неформальной обстановке порасспрашивать их о том, как им служится, чем они недовольны, есть ли у кого какие-то проблемы "на гражданке", которые срочно нужно решить...

Но когда в перерыве между блюдами Даян объявил, что прибыл в часть для того, чтобы сообщить личному составу батальона, что скоро у них появится новый командир – Ариэль Шарон, в столовой повисла гнетущая тишина. И рядовые солдаты, и офицеры любили Харари, и решение генштаба отстранить его от занимаемой должности в пользу Шарона было воспринято ими как вопиющая несправедливость.

В том, насколько нелегко ему будет командовать новым подразделением, сам Шарон убедился на официальной церемонии своего вступления в должность и прощании Иегуды Харари со своими бойцами.

– Я оставляю батальон, но не ухожу из армии! – сказал Харари в своей прощальной речи. – И, естественно, я бы хотел продолжить службу с теми, с кем съел не один пуд соли. Поэтому я прошу, чтобы те офицеры, которые хотят получить перевод в мою новую часть, сделали шаг вперед...

Даже обладавший железными нервами Шарон вздрогнул, когда шаг вперед из строя сделали большинство офицеров батальона. Еще один удар ему преподнесли его собственные подчиненные из 101-ого отряда: часть из них заявила, что не желает продолжать службу в "заштатном" подразделении и решила демобилизоваться из рядов ЦАХАЛа.

Если учесть, что у 26-летнего нового комбата не было никакого опыта командования столь крупным подразделением, то завидовать его повышению в должности явно не стоило. Но Ариэль Шарон был из тех людей, которые, как уже говорилось, умеют сохранить присутствие духа в любой ситуации.

Распределив бывших бойцов 101-ого отряда по всем взводам батальона, он назначил их ответственными за проведение всех учебных тренировок, после чего начал повышать боеготовность десантников теми же методами, какими он готовил свой 101-ый отряд: физические упражнения сменялись учебными стрельбами, стрельбы – отработкой приемов рукопашного боя, рукопашные бои – занятиями по маскировке на местности...

К концу недели солдаты и офицеры батальона валились с ног, но зато в субботу вечером молодой комбат устраивал для них настоящий праздник – с жареньем шашлыков, с танцами, на которые Шарон специально приглашал девушек, объявляя среди последних такие мероприятия "акциями по поддержке и воодушевлению наших доблестных десантников". Во время этих "народных гуляний" бойцы бывшего 101-ого рассказывали о тех операциях, в которых им приходилось участвовать, и юные солдаты 890-ого жадно вслушивались в каждое их слово, невольно проникаясь тем, что некоторые израильские авторы назовут потом "псевдоромантикой антитеррористических операций". Многим из них хотелось бы оказаться на месте Хар-Циона или Качи, многие из них уже рвались в бой, но Шарон все еще считал свое подразделение недостаточно готовым для участия в серьезных операциях. Медленно, но верно Шарон все больше сближался со своими солдатами, превращаясь для них в самого настоящего "батяню-комбата". И так же медленно, но верно он доводил уровень боевой подготовки своего батальона до уровня 101-ого отряда, превращая каждого своего солдата в некий странный гибрид японского ниндзя и бойца французского иностранного легиона.

Слухи о "роскошной" жизни десантников под командованием Шарона и о том, что в его батальоне в течение нескольких месяцев обычных ребят превращают в настоящих суперменов, бродили по всей израильской армии и с каждым днем все больше и больше солдат и офицеров подавали начальству просьбы о переводе их в еще ничем не прославленный 890-й батальон.

* * *

17 марта 1954 года банда террористов, проникших на территорию Израиля из Иордании, устроила засаду на трассе Беэр-Шева-Эйлат и напала на проходивший по ней пассажирский автобус. Из 17 пассажиров автобуса в живых осталось только трое – и то потому, что они превратились в мертвых. Спустя еще два дня был убит охранник еврейского поселка Каслон – и снова террористы пришли из Иордании, на этот раз, как удалось точно установить, из деревни Нахлин, расположенной неподалеку от Бейт-Лехема (Вифлеема). Эти теракты вывели из себя даже миролюбивого Моше Шарета, и он потребовал провести операцию возмездия, взорвав дома террористов в Нахлине. В том, кому именно должно быть поручено проведение этой опе-

рации ни в генштабе, ни в министерстве обороны не сомневались – разумеется, 890-му батальону под командованием майора Ариэля Шарона.

И Арик, и Моше Даян понимали, что у них обоих на этот раз нет права на ошибку: провал операции означал бы не только сильный удар по военной карьере Арика, но и не менее сильный удар по авторитету Даяна, которого бы немедленно обвинили в ошибочном назначении на должность комбата человека, который до нее пока явно не дорос.

Поэтому Арик немедленно ужесточил режим тренировок в части, а накануне операции, помня о трагедии в Кибии, построил составленные из самых отборных бойцов батальона два взвода и прочел им длинную лекцию о том, что еврейские солдаты не воюют с женщинами и детьми, и не стреляют в них.

28 марта 1954 года Арик вывел бойцов батальона на их первое боевое задание. Согласно его первоначальному плану, они должны были ворваться в Нахлин, перерезать все ведущие к деревне дороги, затем взорвать в ней дома террористов и вернуться в Израиль. Однако незадолго до начала операции стало ясно, что иорданцы заметили маневры израильтян на границе и явно готовятся к отражению атаки. Причем, по все видимости, легионерам стало ясно и то, что целью этой атаки будет именно Нахлин и они приготовились к обороне деревни.

Получив сообщение об этом, Арик, тем не менее, решил на свой страх и риск операции не отменять, а вместо этого изменить ее план. Сидя в джипе вместе с командирами двух ударных групп – Меиром Хар-Ционом и Давидом Аарони – он на ходу набросал новый план.

По этому плану атака на Нахлин, в которую должна была пойти группа Аарони, превращалась лишь в отвлекающий маневр, а главный удар предназначался по форпостам иорданского легиона. И этот план сработал: пока иорданцы отчаянно сражались за деревушку Нахлин, подтягивая к ней все новые силы, группа Хар-Циона взорвала форпосты иорданской армии, после чего Шарон дал приказ об отступлении и обе группы без потерь вернулись в Израиль.

Моше Даян однозначно расценил действия батальона, как "хорошую работу", но Арик не успокоился до тех пор, пока не поступили окончательные данные о потерях с иорданской стороны. Иорданцы потеряли в том бою 7 своих солдат и 3 граждан, но женщин и детей среди убитых не было, и, следовательно, никто не мог обвинять Израиль в том, что в ответ на теракты он устроил резню среди мирного населения.

После этого, войдя в боевой ритм, 890-й батальон проводил одну операцию за другой, взяв на вооружение новую тактику Шарона: наносить удары не деревням и селам, а по военным объектам противника, иницилирующего и поощряющего террор против Израиля.

29 июня 1954 года в ходе одной из таких операций иорданцами был взят в плен старый друг Арика, боец 101-ого отряда, а затем и 890-ого батальона Ицхак Джибали.

После этого и возникла первая трещина в отношениях между Шароном и Даяном. Тяжело переживая пленение Джибали, Шарон метался как раненный зверь по лагерю, продумывая ход операции либо по его освобождению, либо по захвату в плен нескольких иорданских солдат с тем, чтобы обменять их на Джибали. Моше Даян пытался как мог успокоить комбата, пообещал надавить на правительство с тем, чтобы оно задействовало для освобождения Джибали все дипломатические каналы, но одновременно категорически запретил проводить какие-либо специальные операции по его освобождению.

Однако Шарон, похоже, в те дни совершенно потерял голову и решил не обращать внимания на приказы главнокомандующего израильской армией. Вновь и вновь он предпринимал попытки захвата пленных для обмена Джибали, то бросая своих солдат на пограничные форпосты иорданцев, то переодевая их в иорданских крестьян и военнослужащих подразделений ООН, но все оставалось тщетным. Несколько таких операций едва не закончились трагически – гибелью или захватом в плен еще нескольких израильских солдат. И потому можно понять возмущение Моше Даяна, когда тот узнал, что Шарон действует на свой страх и риск, игнорируя его, начальника генштаба, однозначный приказ.

Более того – когда отец Ицхака Джибали, не дождавшись сына, умер от разрыва сердца, Шарон с еще большей настойчивостью стал искать пути освобождения друга и даже начал продумывать план нападения на иорданскую тюрьму...

Ицхак Джибали был освобожден из иорданского плена лишь осенью 1954 года в результате сделки по обмену военнопленными, а после того боя, в котором он был ранен и захвачен плен Шарон ввел в программу учений своего батальона и обучение правилам оказания первой помощи раненному – с тем, чтобы каждый солдат при необходимости мог бы перевязать и вынести с поля боя своего товарища.

* * *

Между тем, летом 1954 года вновь резко обострилась ситуация на границе с Египтом. Египетские пограничники постоянно обстреливали израильские патрули, а временами открывали и артиллерийский огонь по расположенным в пограничной полосе киббуцам. Спускать такое южным соседям Израиля Даян не собирался и Арику было поручено "наказать" египтян и отбить у них хотя бы на какое-то время охоту затевать подобные игры с Израилем.

В качестве цели для такой операции Арик выбрал форпост египетской армии, расположенный напротив киббуца Кисуфим – во-первых, потому что с него часто обстреливали работающих в поле киббуцников, а во-вторых, потому что на нем находилось только 50 египетских солдат, что позволяло овладеть форпостом ограниченными силами. Для атаки на форпост, начавшейся безлунной августовской ночью, Арик создал три группы – две по 40 и одну из 15 бойцов, которые, соответственно, с трех сторон должны были ворваться на его территорию.

Вопреки ожиданиям бой за хорошо укрепленные позиции египтян получился жаркий – поначалу противник оказал жестокое сопротивление. Уже в самом начале этого сражения Шарон получил ранение в ногу, но лежа на носилках, продолжал командовать своими подразделениями. Наконец, осознав всю бессмысленность сопротивления, египтяне бежали с форпоста, но Арик отказался ехать в больницу до тех пор, пока не выслушал подробный отчет командиров всех групп о том, как действовали солдаты, какие просчеты в их подготовке были замечены и не выслушал замечаний самих командиров по поводу тех недостатков его плана, которые выявились в ходе боя.

Среди тех, кто явился навестить раненого Ариэля Шарона в больницу, был и Давид Бен-Гурион...

Сближение между Ариэлем Шароном и Давидом Бен-Гурионом началось в 1954 году, сразу после его отставки. Старик запомнил командира 101-ого отряда, внимательно следил за его успехами, а Арик, оказываясь в Негеве, всенепременно заглядывал в дом Бен-Гуриона в киббце Сде-Бокер и подолгу беседовал с ним и об армии, и о политике. Чем дальше, тем большей симпатией они проникались друг к другу. Поняв, что Арик совершенно не знаком с военной теорией, Бен-Гурион начал давать ему книги на эту тему, в немалой степени содействуя его превращению из талантливой самоучки в действительно грамотного, образованного офицера.

Когда в начале 1954 года Давид Бен-Гурион вернулся в политику и занял пост министра обороны, он стал приглашать майора Шарона на все ответственные заседания. Обычно на этих заседаниях он усаживал Арика рядом с собой и шепотом спрашивал у него имя того или иного офицера, если оно вдруг вылетало у него из головы, интересовался его мнением об этом офицере, а затем по мере совещания советовался с ним по тому или иному вопросу. Арику нравилась эта роль фаворита министра, он буквально купался в лучах славы, наслаждаясь своим привилегированным положением. Но, как известно, в любом учреждении работники больше всего не любят не самого начальника, а именно его любимчика, и армия в этом смысле отнюдь не является исключением. Та роль, которую Бен-Гурион отводил Ариэлю Шарону на совеща-

ниях в министерстве обороны, неимоверно раздражала всех высокопоставленных офицеров генштаба, считавших Шарона выскочкой и подхалимом.

"По какому праву майор, даже не закончивший курсы комбатов, занимает место рядом с полковниками и генералами? – то и дело говорили в кулуарах генштаба. – Да и кто он такой, этот Шарон? Никто не спорит – у него есть определенные заслуги, но то, что Старик сделал его своей "правой рукой", это уже чересчур!"

Узнав об этих разговорах, Давид Бен-Гурион отдал указание... присвоить Ариэлю Шарону звание подполковника – с тем, чтобы тот уютнее чувствовал себя среди полковников и генералов.

Но страсти это, разумеется, не остудило, и многие со злорадством обсуждали потом первую операцию Шарона, проведенную им в новом звании – бой за расположенную рядом с Латруном арабскую деревню Ликийю. Она оказалась провальной – подразделение десантников попало в районе деревни в окружение, впало в панику, перестало выполнять приказы командиров, и Шарону с огромным трудом удалось разорвать кольцо окружения, после чего попавшие в него солдаты не отступили на свои позиции, а попросту бежали, охваченные животным страхом...

Шарон потом долго анализировал с командирами рот и взводов происшедшее, бесконечно повторяя, что раз уж им пришлось учиться на своих ошибках, то следует хотя бы учиться хорошо.

* * *

В начале 1955 года все попытки премьер-министра Израиля Моше Шарета наладить с помощью американцев отношения с Египтом лопнули, как мыльный пузырь. Осознав, что Израиль, по сути дела, находится в международной изоляции, президент Египта Гамаль Абдель Насер²¹ пришел к выводу, что еврейское государство близко к гибели, и его нужно лишь, как сухое дерево, сначала раскачать с помощью террористических ударов, а затем одним мощным рывком вырвать из почвы Ближнего Востока. Ну, а если так – зачем с ним вести переговоры?!

Придя к такому выводу, Насер прервал все контакты с Израилем, начал подготовку к глобальной войне, а пока она готовилась, всячески поощрял формирование диверсионных отрядов фидаинов из жителей сектора Газа. Плоды этой политики Насера израильтяне ощутили мгновенно: фидайны то и дело добирались до расположенного почти в центре Израиля Реховота, и до конца января совершили более десятка терактов, почти каждый из которых сопровождался человеческими жертвами.

В феврале Бен-Гурион вызвал к себе Ариэля Шарона и спросил его, каким образом, с его точки зрения, Израиль должен отреагировать на эти непрерывные теракты. Шарон с ходу, не раздумывая, предложил ударить по той территории, которая была домом и основным плацдармом фидаинов – по сектору Газа. А так как за фидайнами стоял Египет, то удар должен был быть в первую очередь направлен на его военные объекты в Газе.

– Ты всерьез думаешь, что это возможно? – спросил Бен-Гурион.

– Я в этом абсолютно уверен, – ответил Арик.

В тот день эти двое разошлись страшно довольные друг другом, и Ариэль Шарон немедленно приступил к планированию атаки по Газе. Операция должна была включать взрыв главной водонапорной станции Газы – с тем, чтобы на какое-то время вся Газа осталась бы без воды; атаку на форпост египетской армии в пригороде и железнодорожной станции и ее путей на юго-западе Газы. К участию в этой операции Шарон привлек группу из 40 бойцов под командованием комроты Саады Эльякима, 34 бойца под командованием комроты Моты Гура, 20 бойцов во главе с комвзвода Авраамом Халаве и 50 бойцов под началом комроты Моше Януки.

Всего в операции, получившей книжное название "Черная стрела" (вот где сказалось детское увлечение Арика романами Стивенсона!), должно было принять участие около 150 человек.

Уже перед самым выходом на задание к батальону Арика присоединился подполковник Давид Элазар по кличке Дадо. По одним источникам, Дадо, занимавшийся в генштабе вопросами разработки общей стратегии ЦАХАЛа, сам попросил у Моше Даяна разрешения участвовать в операции в качестве наблюдателя, по другим эта роль была поручена ему Ицхаком Рабиным, но ясно одно: Арик воспринял появление Дадо в качестве официального инспектора генштаба как пощечину, как знак того, что Даян ему не доверяет и считает, что после провала у Ликии за ним надо приглядывать. Естественно, отношения между Давидом Элазаром и Ариэлем Шароном сразу же натянулись, и в будущем это жестоко аукнется Арику – именно Дадо положит конец его военной карьере.

Но, пожалуй, единственное, о чем жалел подполковник Шарон накануне операции "Черная стрела" – так это о том, что рядом с ним нет верного Меира Хар-Циона, незадолго до нее отчисленного из армии на полгода.

Причиной этого отчисления стала проведенная Меиром Хар-Ционом в одиночку знаменитая операция возмездия в Иордании. За месяц до описываемых событий любимая сестра Хар-Циона Шушана вместе со своим другом отправились в пешую экскурсию по Иудейской пустыне. Молодые люди намеревались дойти до Мертвого моря, но посередине пути им встретилось кочующее из Иордании и обратно бедуинское племя. Шушана стала жертвой группового изнасилования, ее друга долго избивали, а затем их обоих зверски убили. И без того долговязый и тощий, Хар-Цион после этой трагедии еще больше похудел и, черный от горя, несколько дней мотался по армейской базе как живое воплощение Ангела Смерти. Наконец, он попросил Арика отпустить его в отпуск из армии. Поняв, что Меир решил отомстить, Арик попытался было отговорить его, но, убедившись, что это бесполезно, дал ему "по-дружке" машину и оружие, а затем подписал приказ об отпуске. На этой машине Хар-Цион пересек израильско-иорданскую границу, отыскал бедуинское племя, глумившееся над его сестрой, и взял в плен шестерых его мужчин. Затем он поочередно выстрелами в упор застрелил пятерых своих пленников и отпустил шестого, чтобы тот вернулся к своему племени и рассказал о том, что видел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.